

18+

Андрей Толоков

Семь недель В чужом теле

Андрей Толоков

Семь недель в чужом теле

«Издательские решения»

Толоков А.

Семь недель в чужом теле / А. Толоков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507487-4

Два человека, абсолютные тёзки, даже рождённые в один день, совершенно случайно встречаются в маленьком портовом городе. Один из них богатый влиятельный человек, другой — простой моряк. Волей судьбы они оказываются на одной океанской яхте. Яхта терпит кораблекрушение. Оба наших героя попадают в очень необычную ситуацию. Их жизни смешиваются в один фантастический клубок. Смогут ли они пережить посланные им испытания?

ISBN 978-5-00-507487-4

© Толоков А.
© Издательские решения

Содержание

Эпиграф	6
Глава первая. День не задался	7
Глава вторая. Странная просьба	16
Глава третья. Близнецы	22
Глава четвёртая. Шторм	29
Глава пятая. Исключение из правил	37
Глава шестая. Предлагаемые обстоятельства	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Семь недель в чужом теле

Андрей Толоков

Редактор Людмила Малаховская

© Андрей Толоков, 2019

ISBN 978-5-0050-7487-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эпиграф

*...Я посылаю перед тобой Ангела хранить
тебя на пути и вести в то место, которое
Я приготовил.
Исх. 23,20*

Глава первая. День не задался

Противный, вытягивающий нервы лязг дверного засова, разбудил Андрея. Он уже несколько дней как потерял счёт времени. Казалось бы, всего пятнадцать суток, но слились они в один мутный день вперемешку со смрадной ночью.

– Севастьянов, – прохрипел уставшим сонным голосом сержант. – На выход.

Андрей медленно встал, свернул матрац, подушку и пошёл к двери.

– С друзьями—то, попрощайся! – сделал замечание сержант.

– А чего с ними прощаться? – буркнул Андрей. – Один хрен, завтра увидимся.

– Невоспитанный ты человек, Севастьянов.

– Был бы воспитанный, не сидел бы здесь пятнадцать суток, – ответил Андрей, протискиваясь между железной дверью и сержантом. – Бельё куда нести?

– Пошли, невоспитанный, покажу, – сказал сержант, запирая дверь камеры на толстый железный ключ.

Через полчаса Андрей Севастьянов вышел из ворот спецприёмника номер два. Обернулся и, увидев красную казённую табличку на стене, поморщился. Пятнадцать муторных дней за этим забором показались вечностью. Андрей посмотрел на небо. Яркое и уже припекающее майское солнце полоснуло по глазам и заставило прикрыть их рукой. Андрей постоял ещё немного, размышляя над тем куда податься. Можно было сразу пойти в любимую пивную. Благо, в кармане оставалась мятая пятисотка и кучка мелочи, а можно пойти домой. Дома, конечно, приём будет жёстким. Зинка может и сковородой приглубить. Бывало уже такое. Лучше идти в пивную. Наверняка кто—нибудь из друзей уже там, гасит похмельный пожар. А пятьсот рублей это целое состояние. Решение оказалось взвешенным и Андрей повернул налево, в пивную. Зинка подождёт.

Конец мая в приморском городе время шикарное. Солнышко днём уже плавит мостовые, а ночная прохлада, заползающая в город со стороны ещё непрогретого моря, быстро охлаждает камни. Этот баланс создаёт неповторимый комфорт южного города. А море с безупречно чистой прохладной водой, стаскивает хитрыми волнами маленькие круглые камушки, потихоньку воруя их у пляжа.

Севастьянов шёл неторопливо. Он хотел надышаться вольным воздухом, которого так не хватало в спецприёмнике. Прогулка всего час в сутки. Как говорил его сокамерник Коля: «В Освенциме и то больше воздуха было!» Он, Коля, недоумок, не знал, что совсем не воздухом там люди дышали. Что с него взять – дегенерат. Андрей вспомнил инфантилизм сокамерника и так громко сплюнул, что проходившая мимо пожилая пара сильно удивилась.

– Прошу не напрягаться, – пояснил старикам Андрей. – К вам это не относится.

Мужчина кивнул и что—то шепнул своей спутнице на ухо. Андрей и пожилые люди пошли своими дорогами.

Пивная под неприятным названием «Пельмени и Пиво», находилась на углу Набережной и Цветочного бульвара. Меню в этом заведении не было. Нет, было, конечно, что—то невнятно написанное мелом на чёрной доске, похожей на школьную, но это скорее для соблюдения правил, чем для посетителей. Все завсегда и цены знали наизусть. И если вдруг хозяйка Тая, поднимала на что—нибудь цену, то вся местная общественность бунтовала. Могли даже устроить бойкот. Длился он, конечно, недолго, – максимум полчаса. Дальше «горящие трубы» постоянных посетителей делали своё гнусное дело, срывали общественное порицание. Но все же Таисии приходилось делать вид, что она идёт на уступки.

И вот этим майским утром, Андрей Севастьянов, моторист траулера «Буревестник», списанный на берег за беспробудное пьянство месяц назад, подошёл к любимому заведению. Андрей застыл перед дверью. Если бы на нём была шляпа, Севастьянов бы её снял. Для него

«Пельмени и Пиво» была сродни храму. Андрей прокашлялся, будто собирался произнести какую—то важную фразу, и вошёл внутрь.

Как он и предвидел, внутри уже толпились страждущие. Как только кружка с холодным пивом попадала в руки одного из них, содержимое волшебным образом испарялось. И тут же пустой сосуд шумно опускался на прилавок с требованием как можно быстрее наполнить его снова. А вот вторая кружка уже добиралась до столика почти нетронутой. Владелец живой прохладной влаги садился на стул и гордо приподнимал голову, наслаждаясь своей исключительностью.

Андрей, соблюдавший сухой закон в течение пятнадцати дней, смотрел на всё это с неким удивлением. Отвык. Особенно удивляло его то, как быстро пол—литра пива исчезало в чреве жаждущих.

– Копперфильды, мать вашу, – выругался Андрей и направился к прилавку.

– О, Севастьянов, пропащая душа! – воскликнула Таисия, вытирая мокрые руки о фар-тук. – Где пропадал? Неужели опять мотористом устроился? Глянь, трезвый как стёклышко.

– А тебе я погляжу, милее Севастьянов пьяный в хлам, – дерзко ответил Андрей и небрежно бросил на прилавок мятую пятисотку. – Пиво налей.

– Значит, не устроился на работу, – сделала вывод Тая. – К пиву что—нибудь брать будешь?

– Что вы бабы за народ, а? – продолжал ворчать Андрей, будто и не слышал вопрос Таисии. – По вам все мужики должны быть как кони. Пахать, пахать, пахать. А где свобода? Где время для души? Для любви, наконец, а? Перевелись женщины на земле нашей русской. Одни бабы остались.

– Ой, раскудахтался! – Тая поставила на прилавок бокал пива и застыла в позе «руки в боки». – Какая тебе любовь, Севастьянов? Ты же однолюб. У тебя же любимая жена – пол—литра. Иди уже. Вон кореша ждут. Соскучились.

Андрей сгрёб с прилавка сдачу и, зажав её в кулаке, пошёл за свой любимый столик. К нему, было, хотел подсесть местный алкаш по прозвищу Плюшка. Этот вообще никогда не имел денег и вечно допивал за кем—нибудь или выклянчивал немного. Но на этот раз Севастьянов грубо «отшил» Плюшку и остался за столом один.

Бывает же такое, если день не задался, то не задался. С утра вроде всё было неплохо. Как случилось так, что сдача, которую Андрей положил на стол, исчезла, непонятно. Он только на мгновение подошёл к прилавку за новой порцией пива. Стукнул по карману и вспомнил, что оставил деньги на столе. Когда обернулся, денег уже не было. Тая, зараза, в долг пиво не давала.

– Кто слизал бабки? – громко спросил Андрей у присутствующих.

Ответа не последовало. Севастьянов понял, что деньги ему не вернут. Это была первая неприятность, которая случилась в этот день. Но, как оказалось, не самая плохая.

Квартира, в которой жила Зина, гражданская жена Андрея, была на четвёртом этаже старой «хрущёвки». Внешний вид дома напоминал нечто среднее между бетонным бункером и обшарпанным сараем. Андрей подошёл к двери подъезда и застыл. Ноги не несли его к Зине. Но куда податься? Конечно, у Андрея был «запасной аэродром», но это на крайний случай. А он ещё не наступил. Андрей запустил руку в карман. Ещё пятнадцать дней назад там была зарплата, не Бог весть какая, но зарплата. А это был пропуск для благополучного возвращения к Зинке. Теперь рука нащупала в кармане только маленькую горстку монет. Ничтожно мало. Севастьянов всей шкурой своей почувал, что ничего хорошего его на четвёртом этаже, в квартире номер тридцать, не ждёт. «Нет, – подумал Андрюха, – надо было идти к Юрке. По чьей же воле меня ноги сюда принесли? Если сейчас дверь подъезда не откроется, уйду, – твёрдо решил Севастьянов».

Именно в этот момент дверь подъезда распахнулась и на пороге появился сосед Гриша, по прозвищу «примерный папаша». На самом деле никаким примерным он не был. Так же как

все в этом дворе Гриша почти каждый день приходил домой пьяным. Бывало, что и приползал, но каждый день, но домой. Когда Гриша чувствовал, что вот—вот уйдёт с головой в мир Диониса, он заплетающимся языком сообщал собутыльникам: «Всё, братцы, я готов. Я домой. Меня там дочки ждут. Пока». У Гриши всегда в кармане было две конфетки для дочерей. Отсюда и прозвище такое – «примерный папаша».

Гриша с полминуты смотрел на Севастьянова, пытаясь идентифицировать фигуру, стоящую в метре от него. Видимо, вчера у Гриши был перебор. Он никак не мог остановить блуждающий взгляд. Его не слушались не только ноги, но и глаза.

– О! Ты, Андрюха, что ли? – наконец просипел Гриша. – А я думал, ты помер.

– Ты чё! – возмутился Севастьянов. – С дуба рухнул?

– Да... это... потом... – невнятно мычал Гриша.

– Иди куда шёл, чепушило! – нагрубил Андрей и, отодвинув пьяное тело, прошёл в подъезд.

Андрей остановился перед квартирой номер тридцать. Немного отдышался и собрался постучать в дверь. Занёс руку и...: «Боже, – подумал Андрей, – откуда здесь звонок? Отродясь не было. Зинка раскошелилась на мастера? Не может быть!» Севастьянов нажал на звонок. За дверью послышались шаги. Дверь распахнулась. На пороге стояла Зина с кухонным полотенцем на плече. Из квартиры пахло вкусной жареной картошкой и ещё чем—то мясным. Пахло аппетитно.

– Чего припёрся! – вместо приветствия выпалила Зина. – Я уже думала, ты помер. А ты вон явился, не запылится. Поди, всё пропил и к Зине вернулся, да?

– Зин...

– Чё Зин, чё Зин? – кричала женщина. – Вот где пил и где деньги оставил, туда и иди жить. Забирай свои манатки и двигай отсюда!

Зина развернулась и пошла на кухню. Андрей прошёл в квартиру с надеждой решить вопрос с проживанием у Зины положительно, но всё было гораздо сложнее. На кухне Андрей увидел мужчину, тот ремонтировал стул. Он посмотрел на Севастьянова, отложил в сторону отвёртку и спросил у Зины:

– Это он, что ли?

– Он, он, – не отрываясь от перемешивания картошки на сковородке, ответила женщина. Мужчина поднялся. Он был по пояс раздет, весь волосатый и мускулистый. Роста невысокого, но видно, что наглый и резкий.

– Слышь, чувак! Ты вещи по—быстрому там собери и двигай. Теперь я здесь живу.

Незнакомец сказал эту фразу уверенно и жёстко. Андрей понял, что сопротивление бесполезно. Последняя апелляция к Зине могла бы что—то исправить.

– Зина, – жалостливо произнёс Севастьянов. – Зин, ты чё, вообще? Так не поступают.

– Ты чего не понял, что тебе Витя сказал? – не отворачиваясь от плиты, буркнула Зина. – Непонятливый?

– Иди вещи собирай, – нахмурив брови, продолжал Витя. – Поторопись. А то у меня сейчас терпение лопнет и я тебя с балкона отпущу.

Андрей отчётливо понял, что этот мужик не шутит. Надо собрать то, что есть и свалить отсюда. Севастьянов прошёл в спальню, достал из—под кровати свой рюкзак и стал складывать вещи. Рубашка, несколько футболок, старый тёплый свитер, двое джинсов, выдавший виды пуховик. Но самое главное – паспорт моряка. Это единственное сокровище, которое было у Андрея.

Всё то время пока Севастьянов собирал вещи, Витя, скрестив мохнатые руки на груди, наблюдал за процессом. Вид у Вити был угрожающий. Андрей, укладывая вещи, краем глаза наблюдал за поведением «новенького» сожителя Зины. Мало ли что у этого самца на уме. Сева-

стьянов очень хотел поторопиться, но проснувшееся мужское самолюбие требовало не спешить, и он всем своим видом демонстрировал спокойствие и неторопливость.

Вдруг в дверном проёме, за спиной Виктора, появилась Зина с глазами бультерьера и оскалом похожим на того же пса.

– Ты чё копаешься? – гавкнула женщина. – Глянь, прихватить что—то моё решил! Вить, поторопи морячка.

Витя повиновался беспрекословно. Андрюха только успел заметить резкое движение мохнатой руки, крепкий кулак, которой жёстко приземлился в районе солнечного сплетения.

– Ой! – это единственное слово, которое смог произнести Севастьянов.

От боли и нехватки воздуха Андрей согнулся и сел на кровать. Дышать он не мог и в глазах тут же запрыгали синие шарики. Так продолжалось около минуты. Когда Севастьянов открыл глаза, он увидел, как Витя вышвыривает рюкзак из комнаты, а Зина с дьявольской улыбкой смотрит на Андрюху, готовая укусить.

Моряк поднялся и скрюченный пошёл к выходу. Он хотел что—то сказать на прощание, но посмотрев на этих бесов, промолчал. Рюкзак мирно ждал около лестницы. Севастьянов присел на верхнюю ступеньку. В животе ещё не угомонилась боль. Дверь за ним громко захлопнулась с каким—то матерным комментарием Зины. Всё, больше в квартиру номер тридцать он не вернётся. Надо налаживать быт заново. Вот теперь пришло время «запасного аэродрома».

Юра Исакин был человеком Мельпомены. Вернее, бывшим человеком Мельпомены. Когда—то, на заре своей творческой деятельности, молодой студент театрального ВУЗа, подавал большие надежды. Был успешен и востребован. Но как это часто бывает, не совладал с «медными трубами». Из московского театра уволился. Скитался по разным театрам областного масштаба. А потом планка упала до маленького провинциального. Когда из—за очередного сорванного спектакля Юру попросили и оттуда, он стал именовать себя драматургом. Справедливости ради надо сказать, что одну пьесу он написал. И её даже поставили на сцене. Пьеса получилась смешной. В стиле современного бреда. Молодые режиссеры любят ставить такие спектакли, где можно посмеяться не только над смешной шуткой, но и над «смешной» частью тела. Навеяло с запада. Ничего не поделаешь, таковы современные реалии.

Гонорар был пропит быстро. Нет, не быстро, а молниеносно. На следующий день, после стремительного исчезновения гонорара, Исакин проснулся в своей однушке и увидел рядом мирно посапывающего молодого человека. Это был Андрюха Севастьянов.

– Ты кто? – толкнув локтем в бок незнакомца, спросил Исакин.

– Андрей, – односложно ответил парень.

– Первозванный?

– Не, Севастьянов, – мычал в полудрёме Андрей.

– А! Ну тогда ладно, – успокоился Юра. – Вставай, Андрей, чай будем пить.

– Я пиво хочу, – по—детски загапризничал Севастьянов.

– Я тоже хочу каждый день просыпаться в Монте—Карло, – осадил парня Исакин. – И не в твоём обществе, а с блондинкой на груди. Однако – хрен нам, батенька. Жизнь распорядилась по—своему. Вместо пива сегодня чай.

Исакин встал с дивана, взял со спинки стула махровый халат и надел его поверх рубашки и мятых брюк. Поставил чайник на плиту и стал что—то искать.

– Чёрт! – выругался Юра. – Где пульт от телевизора? Ты не брал?

Андрюха понял, что сна больше не будет. Он сел на край дивана и обхватил руками голову. Там неизвестные существа исполняли песню «Шумел камыш».

– Пульт там, – Севастьянов показал пальцем на кухню.

– Нет его на кухне! – возмущено ответил Юра.

– Он в кастрюле.

– В какой кастрюле?

– С супом.

– Это как? – Юра подошёл к кастрюле, которая стояла на плите, и запустил туда руку. –
Мать его! Как он сюда попал?

– Тебе вчера программа не понравилась, – не открывая глаз, сказал Андрюха.

– Что за программа?

– Ну там где этот мужик волосатый сплетни рассказывает, – пояснил Севастьянов.

– А! Тёзка твой. Ну— ну! Терпеть его ненавижу, – пробурчал Исакин.

– Ты сказал: изыди проклятый и бросил пульт в суп.

– И что теперь делать? – спросил Исакин виновато.

– Просушить и всё заработает, – со знанием дела ответил Андрюха.

После чайной церемонии новые друзья понемногу приходили в себя. Андрей разобрал пульт, вытер всё насухо и положил его сушиться на балкон. Через два часа пульт заработал.

– Андрюха, ты волшебник, – восхищенно произнёс Исакин.

Так Севастьянов и Исакин стали лучшими друзьями. Исакин был много старше Андрея и исполнял роль старшего брата. Всегда, когда у Севастьянова жизнь заходила в тупик, он приходил к Исакину. Это и был «запасной аэродром».

Сегодня, после жёсткого приёма у Зины, других вариантов для налаживания жизни у Севастьянова не было. Подходя к дому друга, Андрей увидел несколько пожарных машин и толпу зевак.

– Что это там? – настороженно спросил Севастьянов у пожилой женщины с тревожным взглядом.

– Допился Юрка, – ответила та. – Видать, заснул пьяный с сигаретой, вот и спалил квартиру.

– Какой Юрка? Исакин, что ли? – переспросил Андрей.

– Ну, а какой же ещё? Исакин, конечно!

– Сам—то живой? – продолжал допытываться Севастьянов

– Живой, слава Богу. Вон, «скорая» в больницу повезла.

Андрюха выдохнул с облегчением. То, что Юрка жив это хорошо, а вот то, что жить Андрею теперь негде, это плохо. День не задался. Севастьянов сел на лавочку и стал думать. Куда податься? Выход один, идти в порт и искать хоть какую—нибудь работу. На любую посудину устраиваться, лишь бы не ночевать на улице. Андрей взвалил рюкзак на плечо и двинулся в сторону порта.

Андрей Владимирович Севастьянов, полный тёзка нашего Андрюхи—моториста, миллиардер и крупный инвестор также высказывал негодование по поводу незадавшегося дня.

– Ричард! – говорил Андрей своему помощнику, англичанину. – Смотри, три важных дела на сегодня было назначено. И все три важных дела были тобой успешно провалены. Ты хочешь разорить меня?

– Андрей, фы неспарфедифо гофорить, – парировал Ричард, в свойственной ему пуританской манере. – Это не моя финофатость.

– Спарведиво, спарведиво, – передразнивая помощника, настаивал на своём Андрей. – Сделка с арабами сорвалась?

– Да, – виновато кивнул Ричард.

– Потому что кто—то решил поиграть в скупердяя, – загибал пальцы Севастьянов. – На Токийской бирже полный провал. Так?

– Так.

– Биржи это твоя сфера. Прямая обязанность.

– Там случился нефиданный случай, – оправдывался Ричард.

– Непредвиденный! – поправил помощника шеф. – Не первый год работаешь со мной. Учись говорить правильно. И последнее. Картину на Сотбис профукали? Я за ней пять лет гонялся. Пять лет. И за десять минут всё коту под хвост. День паршивый. Не помню в моей жизни таких дней. Сколько миллиардов я сегодня потерял? Можешь посчитать?

– Картину ф кошкин хвост тоже я финофный? – всё тем же монотонным голосом спросил Ричард.

– Нет! В кошкин хвост это я сам, – с сожалением сказал Андрей. – Тьфу ты, в кошкин хвост! С тобой, Ричард, русский язык забудешь. Коту под хвост. Это такое выражение. Запомни.

– Океу!

– Нет, я не могу в это поверить! – продолжал сокрушаться Андрей. – За один день столько потерять. Ещё один такой день и всё, меня больше нет!

– Эндрю, – осторожно произнёс Ричард, – фам надо релакс. У фас нерф тугой.

– Да, Ричард, ты как обычно прав, – согласился Севастьянов. – Нервы у меня напряжены. Отдохнуть надо. Расслабиться надо. Нажраться и забыться.

– Я прикажу зарядить джет?

– Снарядить, – поправил Ричарда Андрей. – Нет, самолёт не надо. Где сейчас моя яхта?

– Яхта ф Приморск.

– Что? Почему в этом захолустье?

– The yacht went to Monte—Carlo, – выпалил Ричард на родном языке, – Простите, он шёл Монте—Карло, но меканик получил инфаркт. Капитан Подниекс отпустить его берег. Яхта без меканик не ходить.

– Значит, она в Приморске.

– Так.

– Свяжись с Подниексом, скажи, чтобы нашёл там механика и ждал. Завтра летим в Приморск. Оттуда пойдём . . . – Андрей задумался. – А, куда—нибудь пойдём. Хватит жить по расписанию. Надо расслабиться. Правильно, Ричард?

– Perhaps, chief, – ответил Ричард, понимая, что сейчас не время противоречить.

Тем временем Андрюха Севастьянов скитался вокруг порта в поисках хоть какой—то работы. Крюинг – агентство по набору персонала на водный транспорт, было закрыто. Обед. Андрей устроился рядом на лавочку. Полуденное солнце давило раскалённой массой на голову и плечи, пыталось расплавить последнюю приличную рубашку Севастьянова. Через пять минут Андрей уже пытался найти хоть какую—нибудь тень. Он покрутил головой и увидел за спиной списанный контейнер без дверей. Тот был развернут открытой стенкой к северу. Это было единственное место рядом со зданием агентства, где была тень. Но Севастьянов оказался не один. Там в тени прятался от солнца мужчина. По внешнему виду иностранный моряк. Одет с иголочки. Гладко выбрит. На лице и руках был виден ровный южный загар. Мужчина стоял прямо, заложив руки за спину. Андрею даже померещился запах «породистого» парфюма.

Севастьянов направился к контейнеру. Присесть там было не на что и Андрей встал рядом с иностранцем. Он несколько раз украдкой бросил взгляд на лощёного незнакомца и решился заговорить.

– Хэлло! – пошёл на контакт Севастьянов.

Незнакомец медленно повернул голову и безучастно посмотрел на Андрея.

– Привет, – на чистом русском ответил «иностранец». – Наниматься пришёл?

– Ну да, – кивнул Андрей. – А ты?

– А я нанимать.

– А кто нужен? – не стесняясь, спросил Андрей.

«Иностранец» бросил на Севастьянова косой взгляд и промолчал.

– Понятно! – сделал вывод моряк. – Кок, стюард или галюньщик. Кого еще в нашем порту можно нанять. Вот нормальный моторист вообще никому не нужен.

– Ты моторист? – заинтересовался незнакомец.

– А по мне не видно? – осмелел Андрей.

– На лбу у тебя не написано. Паспорт моряка есть?

– Пришёл бы я без него в крюинг!

– Почему без работы? – продолжал интересоваться «иностранец». – Списали или сам ушёл?

– Сам ушёл, – соврал Севастьянов, не моргнув глазом. – Хотел на суше пожить немного, да баба—дура всё малину испортила. В море пойду. Там всё понятно. Там моя стихия.

– А паспорт можешь показать? – заинтересовался «иностранец».

Андрей был стреляный воробей, он не стал сразу радостно шарить по рюкзаку в поисках паспорта моряка, а сделал вид, что не очень—то хочет устраиваться на работу к незнакомцу.

– Так говоришь, моторист нужен? Что за посуда у вас? – небрежно поинтересовался Андрей.

– Паспорт покажи! – ещё раз настойчиво произнес незнакомец.

– Ну на! Смотри! – Севастьянов выудил из недр рюкзака паспорт и протянул его «иностранцу».

Тот внимательно полистал паспорт. Прочитал то, что ему было нужно и сказал:

– Вон яхту у дальней стенки видишь?

– Красивое корыто! – оценил Севастьянов. – И чё, на таком судне нет моториста?

– Списали по здоровью. В лазарет угодил, – пояснил незнакомец. – Завтра выходить, а нового моториста нет. Пойдём к капитану. Кто его знает, может тебя возьмёт.

– Пойдём, – не выказывая особого энтузиазма, сказал Андрей и побрёл за незнакомцем. – А тебя как зовут?

– Я старпом. А зовут меня Павел, – незнакомец протянул руку Андрею.

– Андрей Севастьянов, – в свою очередь представился моряк и ответил на рукопожатие.

– Андрей Севастьянов?! – сильно удивился старпом. – Ты серьёзно?

– Серьёзно! – протяжно произнёс моряк. – А что тебя так удивило? Обычная фамилия и обычное имя.

– Так—то оно так, – загадочно произнёс Павел. – Ладно, не бери в голову. Потом всё узнаешь.

Капитан океанской яхты «Джина» Валдис Теодорович Подниекс. Потомственный моряк. Родом он был из Риги. Отец, дед и прадед Валдиса были капитанами морских судов. Как говорится, дух солёных ветров Валдис впитал с молоком матери.

Капитаном яхты, принадлежащей Андрею Владимировичу Севастьянову, Подниекс стал несколько лет назад. Своё дело он знал хорошо и владельцу нравился. Накануне Валдис получил указание от Ричарда срочно приготовить судно к походу. Выход в море был назначен на сегодня. Всё было готово кроме одного. Вчера так и не удалось найти моториста. Не было в этом городе подходящей кандидатуры. Когда старпом Суховеев привёл человека не очень приличного вида, Подниекс поморщился, но решил взять парня. Времени на поиски другого не было.

– Хорошо, – сказал капитан с присущим ему прибалтийским акцентом. – Я беру вас в команду. Но прежде я хочу, чтобы на вас посмотрел боцман.

Валдис кивком головы дал понять старпому, что надо пригласить Ивана Ивановича. Боцман Крымин был настоящий морской волк. В прошлом году он уже должен был уйти на пенсию, но хозяин яхты Севастьянов уговорил Крымина остаться. Такими кадрами не разбрасываются. Крымин остался.

Увесистой походкой Иван Иванович поднялся на мостик. Он посмотрел на Андрея и, повернувшись к капитану, сказал:

– Нет! Этот нам не нужен.

– Ифан, объясни! – удивлённо сказал капитан. Подниекс хорошо говорил по—русски, но почему—то имя Иван произносил иногда через букву «эф».

– Я его знаю, – стал пояснять своё решение боцман. – Это Андрюха Севастьянов. Это последний человек, которого я пустил бы на борт. Он раздолбай. К тому же газ любит.

– Газ? – переспросил капитан.

– Ну да. Водка, джин, коньяк и дальше по списку, – пояснил Иван Иванович. – Газ, это на нашем языке – крепкие алкогольные напитки.

– Так вы его знаете? – уточнил капитан.

– Знаю! И он меня вспомнил. Вижу по глазам, что вспомнил. Он у меня молодым механиком на бармалее был, – Крымин исподлобья смотрел на Севастьянова. – Гоните его, Валдис Теодорович. Бедоносец он.

Андрей молчал. Он, конечно, помнил Крымина. На бармалее, так называется на морском жаргоне большой рыболовный морозильный траулер, у них был серьёзный конфликт. И боцман не врал, из—за алкоголя.

– Мне очень жаль, Андрей, – процедурно выразился капитан. – Но вы нам не подходите. До свидания.

«Да, – подумал Севастьянов, когда спустился по трапу на пирс, – ночевать придётся на улице. Ладно. Завтра, может быть, что—нибудь найду». Андрей пошёл по улице в сторону «Пельмени и Пиво» в надежде, что Тая даст что—нибудь съесть в долг. Выпить уж точно не даст, но хотя бы съесть.

В начале Цветочного бульвара Андрей проходил мимо церкви. Рядом с оградой сидел калека и просил милостыню. Он протянул руку в сторону Андрея и что—то невнятно пробурчал.

– Извини, браток, – сказал Севастьянов. – Мне самому впору рядом с тобой сесть и просить людей о помощи.

Калека вдруг стал серьёзен и в глазах его что—то блеснуло. Как будто на грань хорошего бриллианта попал луч солнца.

– Чтобы не сидеть рядом со мной, – уверенным гипнотизирующим голосом сказал калека, – и не разделить мою участь, зайди в храм и помолись за моё здоровье. Это именно то, что тебе сейчас нужно. Поверь.

Севастьянов не говоря ни слова, повернулся лицом к храму, и его рука сама перекрестила Андрея трижды. «Господи, – подумал моряк, – я никогда раньше в жизни своей не крестился. Этот калека какой—то колдун». С этими мыслями Севастьянов вошёл в храм.

Джет Андрея Владимировича приземлился после полудня в семидесяти километрах от Приморского порта. Ближе не было ни одного аэропорта. Через полчаса подали «Шевроле Экспресс» и водитель, в белоснежной рубашке, помчал свиту Севастьянова в Приморский порт. Машина плавно проходила зигзаги горного серпантина. У пассажиров было ощущение, что едут они по ровной автомагистрали. И вот крутой спуск с поворотом. Вдруг машину резко кинуло в сторону пропасти. Водитель с огромным усилием рванул руль в обратном направлении. «Шевроле» накренился и, было полное ощущение того, что через мгновение он сорвется в бездну, на дне которой, вперемешку с огромными валунами, росли острые сосны. Водителю удалось удержать машину на дороге и погасить скорость. Когда «Шевроле» остановился на противоположной обочине, в салоне воцарилась гробовая тишина. Водитель отпустил руль и обмяк. Белоснежная рубашка в одночасье стала мокрой.

– Мать! – в полной тишине все услышали шёпот Ричарда. – Как говорить «раша»: фаша мать «фак».

Ричард ещё несколько раз повторил матерное английское слово. Севастьянов первый пришёл в себя, поднялся и вышел на дорогу. Правое переднее колесо было разорвано в клочья. Андрей посмотрел на водителя, потом опять на колесо и опять на водителя. Потом он медленно поднял непослушные вялые руки и начал аплодировать человеку, сидящему за рулём. Вся свита, наблюдавшая за этим действием из салона, не понимала, что происходит. Только после того как они увидели колесо, вернее его остатки, пассажиры поняли почему шеф аплодировал водителю.

Примерно через двадцать минут подъехала «аварийка». Колесо быстро поменяли. Проверили, не повреждено ли что—нибудь в рулевом механизме и разрешили ехать дальше. В городе, проезжая по Цветочному бульвару, Андрей увидел купол церкви.

– Серёжа, – обратился Севастьянов к водителю, – останови около храма.

Серёжа кивнул и остановил машину прямо напротив ворот, у которых сидел уже известный нам калека. Андрей Владимирович подошёл к воротам храма и остановился. Калека пристально смотрел на богатого человека, но милостыню у него не просил. Андрею показалось, что из глаз калеки сверкнул какой—то невероятно яркий свет.

– Ты что—то хочешь мне сказать? – не очень вежливо спросил Андрей.

– Хотел попросить у вас немного денег, – после продолжительной паузы ответил калека. – Но они мне особо не помогут. Вот если бы вы прошли в храм и искренне помолились за моё исцеление, это было бы кстати.

– Конечно! – согласился Севастьянов. – Как тебя зовут? За кого просить?

– Андреем меня зовут. Просите за Андрея, не промахнётесь, – и опять в глазах калеки сверкнул странный проблеск.

– Меня тоже зовут Андрей.

– Я знаю, – невнятно буркнул калека.

– Что? – переспросил Севастьянов.

– Ничего, ничего! Это я так, о своём. Что взять с больного человека, – ответил калека и, надвинув выгоревшую кепку на глаза, вытянул вперёд костлявую руку.

Севастьянов неумело перекрестился и пошёл в храм.

Глава вторая. Странная просьба

– Вижу, озабочен чем—то, сын мой? – раздался голос совсем близко. – Могу ли я чем—нибудь помочь вам?

Андрей Владимирович обернулся и увидел за спиной священника. Это был человек с добрыми глазами. Немолод, густая борода, сильно тронутая сединой, впалые щёки и острый нос с «греческой» горбинкой. Андрей окинул взглядом помещение храма и удивился. Только секунду назад в церкви были люди. Немного, но были. А теперь он стоял один перед иконой Николая Чудотворца и за спиной у него были только священник да ещё один человек, не очень опрятного вида, ходил по залу с незажжённой свечкой в руке и глазел на иконы. Мужчина был, явно, как и Андрей в храме новичок.

– Чем же вы можете помочь мне? – после небольшой паузы спросил Севастьянов. – Простите, не знаю, как к вам обращаться.

– Отец Василий, – представился священник. – Можно просто, батюшка. Как вам будет удобнее. А помочь вам я могу добрым советом. Доброе слово дорогого стоит. Порой ни за какие большие деньги доброго слова не купишь.

– Кажется мне, отец Василий, не совсем вы правы, – вступил в полемику Андрей. – В современном мире за деньги можно купит всё. Даже много добрых слов.

– Сложно спорить с вами, – спокойно и уверенно вёл беседу священник. – Возможно, ваша правда. Но только, в вашем мире, понятие правды несколько другое. Вы, я вижу, человек состоятельный и в той среде, в которой вы обитаете, действительно возможно купить много добрых слов. Только, сын мой, это будет товар. А здесь я вам предлагаю искреннюю душевную помощь. Не за деньги, а от чистого сердца.

– Всё что от чистого сердца и не за деньги, отец Василий, – продолжал возражать Андрей Владимирович, – то от бедности. За всё в этой жизни надо платить. За всё. Вон посмотрите, – Андрей указал на неопрятного молодого мужчину, ходившего от иконы к иконе. – Он, этот человек, для того чтобы что—то попросить в вашем храме, купил свечку. То есть оставил деньги вашей церкви. А деньги оставляют в обмен на товар. Это закон жизни. Сможете ли возразить?

– Вы сейчас рассуждаете как в своё время коммунистические проповедники: «Вот, – говорили они, – полетел Юрий Алексеевич Гагарин в космос и не увидел там Бога. Значит, Бога нет». Железная логика. Если не видно или нельзя потрогать, значит, этого нет. Неправда. Мы же не видим земного притяжения, например. Или любовь между мужчиной и женщиной. Мы многого не видим глазами, но чувствуем это. А если человек это чувствует – это есть. Отрицать такое глупо.

Увлечшись дискуссией, ни Андрей, ни отец Василий не заметили, как неопрятный мужчина, ходивший по залу со свечкой, подошёл к ним вплотную и внимательно прислушался к беседе. Это был моторист Андрюха Севастьянов. Он не догадывался, что богатый человек, беседовавший со священником, его полный тёзка и что скоро их судьбы тесно переплетутся.

– Да, – согласился Андрей Владимирович, – глупо. Возможно, во многом вы правы. Простите меня за резкость. Я крайне недоволен сегодняшним днём. Всё против меня. Не могу понять, кого я обидел, где напортачил?

– А почему вы решили, что это вам во вред, а не во благо? – поинтересовался священник.

– Ну какое же это благо, – развёл руками Андрей, – если в одночасье могло рухнуть всё, что я создавал годами.

– Рухнуло?

– Нет. Слава Богу, пронесло, – при этих словах рука Андрея сама поднялась и перекрестила хозяина. Андрей немного опешил.

Отец Василий при упоминании имени Божьего тоже перекрестился.

– Вот видите, – тихо сказал он. – Вы сами не заметили, как воздали хвалу Господу.

– Да что вы! – с усмешкой возразил Севастьянов. – Это расхожее выражение в нашем языке. Мы порой не задумываясь, вставляем его в речь.

– Не буду с вами спорить, – сказал отец Василий. – Может быть, вы расскажите мне подробнее, какие события так разгневали вас?

Андрей Владимирович на мгновение задумался, затем слегка взмахнул рукой и стал рассказывать отцу Василию обо всех перипетиях сегодняшнего дня. Андрей рассказывал страстно, эмоционально. Подобное было ему несвойственно. Он прагматичный и выдержанный человек, как правило, вёл себя сдержанно. Этого требовало не только его воспитание, но и род его деятельности. Севастьянов рассказывал совершенно незнакомому человеку вещи, которые в его деле положено держать за семью печатями. Он даже не замечал любопытства другого Севастьянова, стоящего рядом. А Андрюха—моторист, слушал тёзку и такие же негодования испытывал к событиям произошедшим сегодня с ним.

– ...Так о каком благе вы теперь скажете, отец Василий? – закончил своё повествование Андрей Владимирович вопросом.

– Попробую вам ответить, – всё так же невозмутимо рассуждал священник. – Смотрите, вы живой, здоровый стоите передо мной. Никакая хворь не овладела вами. На вас хорошая одежда. В порту вас ждёт дорогая яхта. У вас также много возможностей, как было до сего дня. Вы ничего не потеряли из того, чего нельзя возместить. Поэтому я сделаю такой вывод: Ангел—хранитель, посланный вам Господом, спас вас от чего—то более опасного и сокрушительного. Вы не учитываете это?

Андрей задумался. Он поднял голову и посмотрел под купол церкви, будто надеялся услышать там подсказку. Ему даже показалось, что кто—то смотрит на него сверху и оттого, что он ответит, определит последующий ход его жизни.

– Нет! – вдруг затряс головой Андрей. – Нет! Это мистика какая—то. Спасибо вам за содержательную беседу. Приятно поговорить с умным человеком. Я, пожалуй, пойду.

– Так ничего и не попросив у Господа? – сказал священник, пристально глядя в глаза Севастьянову.

– Отчего же! – Андрей задумался. Опять посмотрел под купол и сказал. – Я бы очень хотел, чтобы Господь поменял мне Ангела. Потому что мой плохо делает свою работу.

– Странная просьба, – покачал головой отец Василий. – Но думаю, что если вы действительно этого желаете, Бог вас услышит. В добрый путь, сын мой. Да хранит вас Господь.

Священник перекрестил Севастьянова и, отвернувшись к иконе, начал молиться, едва заметно шевеля губами.

Севастьянов неторопливым, но твёрдым шагом направился к выходу. Он шёл не оборачиваясь. Его совсем не удивило то, что на пути Андрей не встретил ни одного человека. И храм, и прилегающая к нему территория были пусты. Только когда Севастьянов выходил на улицу его окликнул слабым больным голосом тот самый калека, который просил помолиться за его исцеление.

– Мужчина, вы не забыли попросить Господа обо мне?

– О тебе? – Севастьянов удивился. Он совсем забыл о просьбе бедного калеки. – Ой! Ты знаешь, давай я лучше дам тебе денег. Покушаешь, купишь себе новую одежду, костыли нормальные. Сколько тебе надо?

– Не нужны мне деньги! – взгляд калеки стал вдруг колючим. – Я просто просил вас, сделать доброе дело. Вы забыли. А надо было всего лишь замолвить слово за Андрея.

– Послушай, – Андрей подошёл к несчастному и присел около него на корточки, – у меня сегодня очень тяжёлый день. У меня вот такая квадратная голова. Немудрено, что я забыл про твою просьбу. Ну прости. Хочешь, я вернусь и попрошу Бога о твоём исцелении?

– Нет! Не хочу, – калека отвернулся от Андрея и как бы про себя произнёс. – Я бы очень не хотел, чтобы когда—нибудь к простой просьбе этого человека отнеслись так же безучастно.

– Да не обижайся ты! – пытался наладить контакт Севастьянов. – Я всё—таки вернусь.

– Не надо! Это уже будет по принуждению, – возразил калека. – Идите уважаемый, у вас впереди много испытаний. Вам бы с ними справиться.

Андрей вдруг столкнулся взглядом с калекой. Это не был взгляд больного человека. Это были глаза человека, не страдающего тяжёлым недугом. Взгляд был суровый и пронизывающий насквозь. Андрею стало не по себе. Его бросило в пот. Круглые липкие капли стекали по вискам к подбородку и коварно забирались под крепкий воротник белой рубашки. Севастьянову даже показался в глазах калеки какой—то дьявольский блеск. Андрей встал и сделал шаг назад.

– Вам надо идти, мужчина. Вас ждут, – монотонно произнёс калека.

Севастьянов повиновался. Через полминуты он уже сидел в прохладном салоне «Шевроле». Ричард удивился, увидев в глазах шефа растерянность.

– How are you? – с тревогой спросил помощник.

– Всё нормально, Ричи, – ответил Андрей, смахивая платком пот с лица. – Поехали в порт.

А тем временем, другой Андрей Севастьянов дождавшись, когда отец Василий закончил молитву, обратился к нему:

– Эта... я тоже сегодня... – он никак не мог сформулировать фразу.

– Успокойтесь, сын мой, – положив руку на плечо Андрею, сказал священник. – Скажите просто, что у вас случилось. И я помогу вам.

– Вы сейчас говорили с тем богатым человеком, – Андрей махнул рукой в сторону выхода.

– Да.

– Он сказал, что у него сегодня плохой день. Ничего не получается.

– Верно, – подтвердил отец Василий. – И что?

– Так у меня тоже, полный трындец!

Моторист подошёл близко к священнику и продолжил говорить шёпотом.

– Всё пропало сегодня, всё! Из дома выгнали, квартира друга сгорела, на работу не взяли. Всё! Сегодня я стал бомжом.

– Уныние, – заговорил священник так же шёпотом, – большой грех. Во—первых, день ещё не кончился. Во—вторых, завтра будет новый день и возможно всё изменится. И, в—третьих, мы же не знаем, может быть то, что произошло с вами совсем не крах, а начало новой жизни. Жизни насыщенной и интересной.

– Вы смеётесь?!

– Совсем нет. Я помогаю вам разобраться в тяжёлой ситуации, – успокоил Севастьянова священник. – Но прежде гоните от себя уныние.

– Легко сказать, – буркнул Севастьянов. – Тот мужик попросил заменить ему Ангела.

– Вы слышали, о чём он просил?

– Я стоял с вами рядом, – пояснил Андрей.

– Да, я это видел. Так что вы спросили про Ангела?

– Я тоже хочу поменять своего Ангела. Он же у меня есть?

– Конечно, есть, – сказал отец Василий. – Но зачем вам это нужно? Почему вы считаете, что Ангел виноват в ваших бедах?

– Не знаю, – замешкался Севастьянов. – Не знаю! Просто хочу поменять и всё!

– Ваше право. Вы можете просить у Господа всё что угодно. Он обязательно услышит вашу просьбу. Вот только, выполнит он её или нет, сказать не могу.

– Ну, я пойду, – будто извиняясь, сказал Севастьянов.

– Может у вас ещё есть какие—нибудь просьбы, – спросил священник.

– Нет! – испуганно ответил моторист. – Больше нет. Я пойду.

– Идите с Богом, – отец Василий перекрестил Андрея. – Да хранит вас Господь. Андрей быстрым шагом вышел из храма и почти бегом проскочил мимо калеки.

– И вы я вижу, забыли попросить Господа о моём исцелении, – вслед Андрею громко сказал тот.

– Чего?

Севастьянов остановился и с раздражением посмотрел на калеку.

– Я просил вас, когда вы входили в храм, помолиться за моё исцеление, – с укоризной сказал больной человек. – Это же так просто. Но вы забыли, как и тот ваш тёзка, который хотел откупиться деньгами.

– Ты прости, браток, – извинился моряк. – У меня тоже проблем выше крыши. Ну забыл я про тебя, прости. В следующий раз помолюсь, хорошо?

– Как знаешь! – лукаво сказал калека. – В следующий раз тебе будет не до меня. Иди уже. Тебе спешить надо.

Моряк весь был в своих мыслях. Когда он отвернулся от калеки, он не сразу понял, где находится и куда надо идти. Андрей замешкался, поворачивая голову то в одну сторону, то в другую.

– В порт иди! – услышал моторист голос калеки. – Да поторопись!

Севастьянов повернулся и безропотно пошёл. Он даже не задумывался, почему так беспрекословно выполнил приказ больного бездомного. Ноги сами несли его в порт.

Андрей Владимирович задумчиво ходил по кают—компании. Он явно был на взводе.

– Валдис Теодорович, – недовольно говорил Севастьянов. – Неужели в таком портовом городе вы не смогли найти нормального моториста?

– Нормального – нет! – с прибалтийской невозмутимостью ответил капитан.

– Хорошо! Тогда любого. Дойдём до Монте—Карло, поменяем.

– До Монте—Карло надо ещё дойти.

– Послушайте, Валдис! – Андрей понимал, что давить на капитана нет смысла. Подниекс профессионал. Надо было договариваться. – Я не нарушаю нашу договорённость. Как только «Джина» отходит от стенки, командуete вы. Договор есть договор. Но задачу вам всё—таки ставлю я. Я запланировал выход на сегодня. У меня есть на это основания. Поэтому, я хочу... нет! Я требую, чтобы мы вышли в море сегодня. С мотористом или без него, меня не интересует. Хватит вымачивать якорь.

Подниекс встал, поправил причёску, аккуратным, выверенным движением надел фуражку и сказал:

– Извините за упрямство, Андрей Владимирович, – в моменты, когда Подниекс волновался, он начинал говорить с сильным латышским акцентом. – Мы сегодня выйдем в море. Моторист будет. Я пойду дам распоряжение.

– Спасибо, Валдис! – Севастьянов был удовлетворён.

Уже через десять минут старпом Суховеев спешно спустился по трапу и побежал к зданию крюинга. Он в спешке не заметил, что со стороны моря, огромной тёмно—серой анакондой надвигалось грозное облако. Оно своей жадной головой очень быстро поедало солнечное небо. Когда Павел уже почти подходил к крюингу, сильный порыв ветра сдул с него фуражку, а раскат грома предупредил о ненастье. Старпом побежал за фуражкой, которая стремительно понеслась в тот самый открытый контейнер, недавно служивший Суховееву убежищем от палящего солнца. Огромные капли начинающегося дождя стали барабанить по спине, подгоняя старпома. Фуражка все же заскочила в контейнер, а за ней и Павел. Чья—то рука поймала непослушный головной убор и протянула его старпому. Суховеев поднял голову и увидел уже знакомого моториста Севастьянова.

– Опоздал, старпом! – протягивая фуражку, сказал Андрей. – Не будут они сегодня работать. Закрылись. У них пьянка. День рождения бухгалтера. Так что, дождь кончится, пойдём по домам.

– Это катастрофа, – отряхивая фуражку, сказал Суховеев. – А по каким домам? Ты же сказал тебе жить негде!

– Да! – с тяжёлым вздохом согласился Андрей. – Про дом я чего—то тупанул! Ну так буду ночевать здесь. Крыша есть, а рюкзак вместо подушки.

Суховеев уперся взглядом в Севастьянова, да так что Андрей почувствовал себя неловко.

– Ты чё, старпом? – Андрей сделал шаг назад. – Ты если это, ... заднеприводный, то это не ко мне. Ты брось!

– Дебил ты, Севастьянов! И не лечишься! – возмутился Павел. – Мне капитан приказал моториста найти. Без него не возвращаться. А ты я посмотрю, в этом городе моторист один. Пойдём! Попробуем ещё раз. Может, возьмёт тебя Подниекс.

Севастьянов почесал подбородок. Потом взъерошил волосы и весело сказал:

– А пойдём! Чем чёрт не шутит, когда Бог спит.

Не было в мире такого кислого лимона, после которого бы Подниекса так перекосило. Когда капитан опять увидел перед собой Андриюху—моториста, он сморщился и затряс головой. Лучше бы ему в этот момент съесть этот самый лимон.

– Павел, – с ещё более выраженным акцентом сказал Валдис, – мы уже один раз видели этого человека. Крымов сказал, что это бедоносец.

– Капитан, – начал оправдываться Павел, – нет больше в этом городе, пропади он пропадом, ни одного свободного моториста. Крюинг закрыт. Будем ждать до завтра?

– Ждать не будем, – решительно сказал капитан. – Пойдём без моториста.

В этот момент на мостик поднялся Андрей Владимирович. Он был явно недоволен. Время шло, а яхта до сих пор стояла у стенки. Андрей остановил свой взгляд на мотористе и сказал:

– Ну вот, нашли же человека! А говорили, нет моториста, – он внимательно пригляделся к Андриюхе. – А я тебя помню. Ты сегодня в церкви был.

– Да, – робко подтвердил моряк. – Я тоже вас там видел.

– Как зовут?

– Андрей Севастьянов.

– Что? – удивился хозяин яхты и переспросил. – Как— как?

– Андрей Севастьянов, – опять повторил Андриюха.

– Скажи еще, что отчество у тебя Владимирович и тогда я поверю в чудеса.

Андриюха посмотрел на капитана, затем на Павла, сбросил рюкзак с плеча и, покопавшись в нём, достал паспорт. Молча, протянул его Севастьянову. Андрей Владимирович открыл паспорт и широко улыбнулся.

– Смотрите, – он, хохоча, показал паспорт капитану и старпому. – Полный тёзка. Ба! И в один день со мной родился! Это к удаче. Валдис Теодорович, оформляй парня и выходим в море.

– Но, Андрей Владимирович, – пытался возразить капитан. – Крымин сказал...

– Валдис! – прервал Подниекса Севастьянов. – Без всяких «но»! Оформляй. И выходим в море. Я свободы хочу. Надоело жариться у этой стенки. Это приказ.

Севастьянов резко развернулся и вышел, давая понять, что разговор закончен. Подниекс снял фуражку и в сердцах бросил её на кресло.

– Отведи его к боцману. Скажи, что этого человека взял на работу шеф, – недовольно буркнул капитан, обращаясь к Суховееву.

Если сказать, что цвет лица боцмана Крымина стал багровым, то это не сказать ничего. Ни один художник в мире не смог бы подобрать этот цвет негодования. Перед Иваном Ивановичем уже второй раз за этот день стоял ненавистный ему моторист Севастьянов.

– Была бы моя воля, – хриплым глухим голосом говорил боцман, – я бы тебе прямо сейчас, камень на шею и на корм рыбам. Но ты, сучонок, через шефа на борт попал. Придётся терпеть тебя, гада.

– Иваныч, – пытался сгладить конфликт Андрюха, – я косячить не буду. Я всё понимаю. Иваныч, клянусь!

Крымин, будто не слыша моториста, взял фуражку и вышел из каюты.

– Пошли со мной, чудище, – сказал он Андрюхе, придерживая открытую дверь. – Шевели булками! Времени нет.

Крымин шёл по коридору и внятно объяснял мотористу, что на яхте завелась крыса или несколько. В трюме с провиантом поджигает запасы. Надо срочно сбегать в город и купить несколько крысоловок.

– Так может лучше отраву? – спросил Андрюха.

– Себе отраву купи! – зло буркнул боцман. – Сдохнет где—нибудь под твоей каютой, в противогазе спать будешь? Ловить их надо и за борт.

Иванович протянул мотористу пятитысячную купюру.

– Сдачу принесёшь до копейки. И купи себе хорошую бритву и одеколон. А то выглядишь как бомжара, – сказал боцман, окидывая взглядом Андрюху. – У тебя час времени.

– Всё понял, Иваныч. Я мигом.

Матрос сорвался как спринтер на старте.

– Господи! – взмолился вслед Севастьянову боцман. – Зачем ты нам его послал? Чует моё сердце, беда будет. Боже, помоги исправить недоразумение! – Иван Иванович трижды перекрестился, глядя на небо, и пошёл на бак.

Глава третья. Близнецы

Как всегда в конце недели Творец занимался в своём любимом японском садике. Его забавляли эти маленькие деревца, миниатюрные инструменты. Белый песок он настолько тщательно просеял, что даже под самым точным микроскопом невозможно было отличить песчинки друг от друга.

Перед визитом Серафима Дионисия, во владения Творца всегда прилетал самец Паротии. Красивая Райская птица с шестью длинными упругими антеннами на голове, увенчанными бархатистыми кисточками и ярким радужным зобом. И сегодня ничего не изменилось. Прежде прилетела птица. Творец отложил маленькие грабли, ополоснул руки, взял влажное полотенце и промокнул им лицо и шею.

Дионисий был точен как всегда.

– Приветствую тебя, Творец! – слегка приклонив голову, сказал Серафим Дионисий.

– Что сегодня? Есть ли люди, нуждающиеся в срочной моей помощи? – спрашивает Творец

– Да. Вот список, – Серафим Дионисий протягивает Творцу толстый фолиант. – Сегодня немного. Всего пятьсот тридцать два миллиона триста восемьдесят восемь тысяч девяносто три человека.

– Правда, немного.

Творец откладывает в сторону полотенце и берёт у Серафима Дионисия фолиант. Какое —то мгновение он держит тяжёлую книгу на вытянутой руке. Глаза Творца полузакрыты. Серафим Дионисий наблюдает за этой процедурой уже не одну сотню лет. Но он не перестаёт удивляться тому, с какой скрупулёзностью Творец изучает каждую просьбу людей. Даже если эти люди не заслуживают ни капли внимания. Даже если просят они о несбыточном. Он всё равно читает каждую просьбу и над каждой размышляет.

Прошла ещё минута—другая. Дионисий терпеливо ждал, не нарушая тишины. Творец медленно открыл глаза и со вздохом облегчения вернул книгу Серафиму Дионисию.

– Собственно, на этом всё. Все просьбы, которые заслуживали моего участия, выполнены. Можно заняться садиком.

Творец взял в руки свои маленькие грабельки и собрался продолжить работу. Но вдруг что—то остановило его. Он повернулся к Серафиму.

– А знаешь что, любезный, – задумчиво произнёс Творец. – Дай—ка мне ещё раз книгу.

Серафим опять положил книгу на ладонь Творца и замер.

– Очень необычная просьба. Очень, – Творец посмотрел куда—то вдаль и обратился к своему подчинённому. – Это касается именно тебя. Два человека из одного города, с одинаковыми именами, фамилиями и даже отчествами. У русских есть отчества. Они ещё одного возраста, только разного социального статуса, но просят об одном и том же.

– Почему же это касается именно меня, позвольте узнать, – вежливо поинтересовался Серафим Дионисий.

– Они недовольны своими Ангелами. Они раздосадованы. И причины для этого есть. Почитай. Страница две тысячи сто сорок первая. И помоги им, пожалуйста. Это в твоей компетенции.

– Конечно, я разберусь, – учтиво ответил Дионисий, слегка наклонив голову. – Я доложу вам сегодня же.

– Вот и хорошо. Теперь я могу заняться своим садиком.

Творец прищурил глаза и немного издалека, как талантливый художник, взглянул на пропорции своего творения. Дионисий поспешил удалиться. Ему надо было срочно обратиться к странице, которую ему назвал Творец и разрешить проблему. К вечеру надо отчитаться.

Серафим Дионисий зашёл в свои прохладные покои и положил фолиант на секретер.

– Так, – говорил сам с собой Дионисий, – и что же там на две тысячи сто сорок первой странице? Ага! Вот! Севастьянов Андрей Владимирович просит поменять Ангела. И Севастьянов Андрей Владимирович тоже. Чем им не угодили их Ангелы—хранители? Первый раз с этим сталкиваюсь.

Серафим прошёл в дальнюю часть покоев и в длинной стене нашёл ящик с информацией обо всех Ангелах. Несколько секунд ему было достаточно, чтобы найти папирусы с назначением Ангелов обоих Севастьяновых. Дионисий взял колокольчик, который всегда стоял на краю секретера и позвонил. Тут же перед ним появился Престол Ян, распорядитель Ангелов.

– Слушаю вас, Дионисий, – глуховатым голосом произнёс Ян.

– Я бы хотел поговорить с вот этими Ангелами, – Серафим положил перед Яном два папируса.

Ян, молча, посмотрел на папирусы и удалился так же быстро, как и появился. Не прошло и мгновения, как в покоях Дионисия уже стояли, если можно так сказать про существ с крыльями, перемещающимися во вселенной со скоростью света, Вектор и Григор. Это Ангелы—хранители обоих Севастьяновых.

– Уважаемые! – обратился к подопечным Серафим Дионисий. После этого обращения повисла долгая пауза. Дионисий смотрел на Ангелов и думал, как же ему сформулировать свой вопрос. – Вы были отправлены Творцом на землю тридцать три года назад, чтобы выполнять гуманную функцию. Помогать людям, тем самым оберегая их и спасая от бед и напастей. Я правильно излагаю суть вашего пребывания в людском миру?

Вектор и Григор переглянулись и кивнули в знак согласия.

– Вам не надо творить чудеса, – продолжал Дионисий. – Не надо укрощать бесов, отражать нападение на человеческий род. Вам надо всего лишь направлять человека на путь и не позволить ему сойти со своей стези. Это очень обычная задача для Ангела—хранителя.

Серафим замолчал и опять стал перелистывать фолиант. Он какое—то время листал книгу, останавливая свой взгляд то на одной странице, то на другой, пока опять не открыл страницу две тысячи сто сорок один.

– Я впервые сталкиваюсь с такой просьбой людей, – не переставая удивляться, вполголоса произнёс Серафим. – Уважаемый Ян, что мы можем сделать для этих людей?

– Я так полагаю, – начал излагать свою позицию Престол Ян, – что отказать этим людям в исполнении их просьбы мы не вправе. Видимо, Творец решил, что эти просьбы надо исполнить, так?

– Ты абсолютно прав, – подтвердил Дионисий.

– Тогда мы с вами в тупике.

– Не понимаю! – удивлённо приподнял брови Дионисий. – Что значит в тупике?

– Уважаемый Серафим Дионисий, вы же знаете наши правила. Ангелы—хранители, освободившиеся от своих подопечных, ушедших в мир иной, больше не назначаются в хранители к людям. Этого Творец не допустит. А иные у нас все назначены. Даже из ближайшего резерва.

– Тогда что мы можем сделать? – деликатно спросил Серафим.

– Только ждать.

– И чего нам нужно ждать?

– Если в ближайшие дни кто—то не родится или кто—то откажется креститься. Другого варианта у нас нет. Мы же не оставим Вектора и Григора на их прежнем месте?

– Нет, – нахмутив брови, ответил Серафим. – Творец ясно дал понять, что их надо поменять. Это не обсуждается. И ждать до завтра мы не можем. Мне надо сегодня известить Творца о том, что просьба выполнена.

В этот момент Ангел Вектор робко поднял руку, сообщая Дионисию о том, что он хочет что—то сказать. Дионисий кивнул, давая понять, что можно говорить.

– Я извиняюсь, что вмешиваюсь в ваш разговор. Ни в коем случае я не хочу оправдывать себя. Я смиренно принимаю решение Творца и уйду, как только вы мне это прикажете.

– Вектор, говорите по сути! – перебил Ангела Престол.

– Я вас понял, – склонив голову, сказал Вектор. – На самом деле, сегодня я сделал всё, чтобы мой подопечный остался жив и здоров. Я несколько раз предотвратил его смерть.

– Уважаемый Вектор, – вежливо остановил повествование Ангела Дионисий. – Зачем вы тратите время на свой рассказ? Вопрос о вашей замене решён. И как вы правильно сказали, надо смириться.

– Я смирился, но хочу дать вам полное представление о моём подопечном. Возможно, он опять обратится с просьбой к Творцу и вас опять обременит выбор. Если вы будете обладать полной информацией, вам легче будет убедить Творца в необязательности исполнения этой просьбы.

Дионисий и Ян переглянулись. Они без слов поняли друг друга и разрешили Вектору продолжить.

– Я коротко, – понимая, что времени мало, продолжил Вектор. – Мой Севастьянов не смог попасть на переговоры с арабами и потерял очень крупный контракт. Да, экономически это большие потери. Но я намерено сорвал эту встречу. Если бы Андрей поехал, то именно на его машину упал бы самолет, который потерпел крушение как раз на той магистрали, по которой собирался ехать мой подопечный. Это верная гибель. Что касается аукциона, то там очень скверная история. Эта картина, не что иное, как ловушка для моего Севастьянова. Его давний враг, к сожалению, я не могу назвать его, готовит покушение на Андрея. В детали вдаваться не буду. И здесь я сделал всё, чтобы эта сделка не состоялась. Тем самым, как вы понимаете, я опять сберёг моего человека. Аварии на опасной дороге я тоже предотвратил. Это было несложно. Ну, а провал на Токийской бирже, это просто стечение обстоятельств. Там нет угрозы жизни. Это не моя компетенция. Вот всё, что я хотел вам сообщить.

Престол подошёл ближе к Серафиму и негромко сказал:

– Раз уж мы дали высказаться Вектору, давайте послушаем и Григора.

– Григор, – обратился к Ангелу Дионисий, – вы можете рассказать нам о сегодняшнем дне вашего Севастьянова?

– Если вам будет угодно, – Григор говорил охрипшим голосом. – Если честно, уважаемые Дионисий и Ян, я с легким сердцем покидаю своё место. Я тридцать три года, практически без сна и отдыха, так говорят люди, храню от напастей моего Андрея. Это очень сложно. Он как специально рождён для того, чтобы ходить по краю пропасти. Вчерашний день, это обычный день, такой же, как и все другие. Я не вижу необходимости говорить об этом.

– Но, Григор, – настаивал Престол. – Именно после вчерашнего дня твой подопечный обратился с просьбой о твоей замене. Раз уж так пошло, то мы хотим знать, что вчера произошло.

– Ничего необычного не случилось, – уставшим хриплым голосом говорил Григор. – Утром Севастьянов пошёл в свою любимую пивную. Там я сделал всё, чтобы у него не осталось денег. Потому что если бы он купил водку, то напился бы и ввязался в пьяную драку. К вечеру, истекая кровью, он умер бы в подворотне. После я повёл его не к его другу Исакину, а домой к сожительнице. Поэтому он не угорел во время пожара, а пришёл когда уже всё произошло. В общем, всё как всегда.

Наступила тишина. Дионисий, Ян и Ангелы молчали. Каждый думал о своём. Григор в одно мгновение вспомнил все те неурядицы, через которые пришлось пройти его Андрею. С самого детства ему приходилось прилагать неимоверные усилия, чтобы Севастьянов не пострадал.

Никого родных у Андрюхи не осталось. Отец умер, когда Андрею было пять лет. Братьев и сестёр у него не было. Мать вышла замуж за другого мужчину через полтора года после смерти отца. Отчим оказался человеком гнилым. Андрея не привечал. Мать никак на это не реагировала. А когда она умерла, отчим квартиру прибрал и устроил всё так, что у Андрея не осталось ни кола, ни двора.

Единственным человеком, который проявлял к Андрюхе тёплые и нежные чувства, была тётя Рая, старшая мамина сестра. Она была одинока. У неё не получилось создать свою семью и поэтому она жила в семье младшей сестры Полины. Удивительное дело насколько родные сёстры не были похожи друг на друга. Рая – неказистая застенчивая женщина с невнятными чертами лица, тонкими сухими губами и непослушными редкими волосами. Одним словом, совсем не красавица. И это мягко сказано. А Полина, совершенная противоположность. Точёная фигура, идеальные пропорции лица, хоть на обложку таблоидов, выразительные карие глаза под козырьками мохнатых ресниц и пышная копна волос. Она была из тех женщин, о которых, порой, мечтает каждый мужчина, но не каждый решается подойти и заговорить.

Но вот что интересно. Насколько Рая была некрасива внешне, ровно настолько она была красива внутренне. А вот младшая сестра совершенно наоборот. При всей своей красоте, была человеком жёстким и эгоистичным. Если бы не супруг, Владимир Иванович, который был много старше Полины, то Андрюха вообще был бы брошен матерью. После смерти мужа, Полина ударилась во все тяжкие. Владимир Иванович оставил жене роскошную квартиру и достаточно денег для того, чтобы Полина вела привольный образ жизни. А для управления хозяйством молодая вдова переселила к себе старшую сестру Раю. Та с удовольствием съехала из своей девятиметровой коммуналки и поселилась у сестры в небольшой комнате рядом с кухней. Рая была бы рада уделять больше внимания воспитанию племянника, но здоровьем была слаба. По сути, Андрюху воспитала улица, с её необузданной свободой и неоправданной жестокостью.

Появившийся, как чёрт из табакерки, отчим, усугубил положение донельзя. Данила, так звали нового мужа Полины, внешне был эффектным, производящим впечатление на женщин, мужчиной. Безупречные манеры, бархатный стелящийся баритон, густые черные волосы и брови, сильный пронизывающий взгляд. Что ещё нужно для оболъщения? Данила сразу понял, что богатая вдовушка Полина, это выигрышный лотерейный билет. «Всё! – подумал Данила, когда познакомился поближе с Полиной. – На этом поиски заканчиваются. Вот эту тёлочку мы и будем доить».

Отношения с Андрюхой не заладились сразу. Данила видел в пасынке прямого конкурента в претензии на имущество. Немного подождав и усыпив бдительность близких, отчим начал свою «диверсионную» деятельность. Данила видел, что Андрюха мальчишка уличный. Никаких правил он не придерживается, в школу ходит от случая к случаю. Не чурается разных уличных проказ, откровенно граничащих с уголовщиной. Отправить пасынка в тюрьму стало главной заботой Данилы. А там, вернётся парень из мест не столь отдалённых или сгинет, это уже второй вопрос. Андрюха, при всей своей «безбашенности», очень быстро понял, куда клонит отчим и стал намного осторожнее. В откровенные уличные авантюры старался не впускаться. Конечно, помощником Андрюхи тут стала, как это ни странно, его природная лень. И само собой, Григор. Досталась же Ангелу—хранителю особь!

Война между Данилой и Андрюхой развернулась не на жизнь, а на смерть. И это не фигура речи. Каждый из них желал смерти своему конкуренту. Однажды Андрюха смог просчитать ситуацию и устроить Даниле настоящую ловушку.

Данила, уже давно насытившись Полиной, стал погуливать. Андрюха узнал об этом и с помощью своих уличных друзей решил последить за отчимом. Тот, прикрываясь игрой с друзьями в карты по ночам в закрытом клубе, совершенно легально по вечерам уходил из дома и появлялся только под утро. И происходило это исправно два—три раза в неделю.

Выходил Данила из дома не через парадную, а через запасной ход. Абсолютно не объяснимая дурацкая привычка. Один из друзей Андрюхи, по прозвищу Кочерга, как—то сказал:

– Зырь, Сева! – «Сева» это дворовая кличка Севастьянова. – Видишь, дверь открывается наружу, а прямо за дверью железный люк.

– Ну! – не понимая товарища, промычал Андрюха.

– Ну! Баранки гну! – негодовал Кочерга. – Хахаль твоей мамыши выходит по вечерам?

– Да, – односложно отвечал Севастьянов.

– Вечером темно. Если люк будет открыт, он туда ухнет, костей не соберёт. Понял?

– Понял! – протяжно ответил Андрюха. – Так там же замок! Чё, пилить будем?

– Дурак ты, Сева! – с ехидной улыбкой сказал Кочерга. – Зачем пилить? Барабану пачку папирос дадим, он его за пять минут вскроет.

Пачку папирос Андрюха «увёл» у Данилы.

– Когда надо сделать? – спросил Барабан, убирая папиросы в боковой карман огромного, выдавшего вида пиджака.

– Сегодня открой, вечером, – скомандовал Кочерга. – Мы его приспособим, будто он закрыт. А когда надо будет, уберём.

– Лады! Как стемнеет, приду, – ответил Барабан и блатной походкой пошёл в сторону городского рынка, логова всех полукриминальных элементов.

Всё вышло, как задумали пацаны. Когда Барабан открыл старый ржавый замок, ребята с трудом сдвинули металлическую крышку люка.

– Ух, ты! – заглянув в колодец теплотрассы, воскликнул Андрюха. – Если отчим туда нырнёт, он оттуда уже не вынырнет.

– И хорошо! – поддержал друга Кочерга. – Не фиг права качать в твоём доме.

Ребята так же с большими усилиями закрыли тяжёлую крышку и приладили на место замок. Всё шло по плану. По плану следующим вечером Данила со всего маху рухнул в колодец. Последствия были тяжёлыми. Выбитые зубы, сотрясение мозга, перелом нескольких рёбер и левой ноги. Ссадины и ушибы считать не было смысла. Провалился отчим в колодце несколько часов, пока молодой парень, провожавший свою девушку домой, не забежал за угол по нужде. Паренёк услышал стон откуда—то из—под земли. Зажёг спичку и увидел человека лежащего на трубах в колодце. Тут же вызвал «скорую» из таксофона. Неизвестно как бы сложилась судьба Данилы, но случайный прохожий спас ему жизнь.

А Андрюха тем временем, уже мирно спал в своей кровати. Он был доволен тем, что они провернули с Кочергой. Парень не задумывался, что будет с отчимом. Но он, почему—то, был уверен, что прежнего Данилы, наглого и самоуверенного «павлина», больше в его жизни не будет. В чем—то угадал, но в главном, ошибся. Через месяц в Андрюхин дом вернулся искалеченный отчим. Это был уже не «павлин» а «гиена». Данила каким—то странным образом чувствовал, что не просто так он оказался в злосчастном колодце. На кого он только не думал. Первое, что приходило в голову это месть мужа одной из любовниц. Вот только какой? Потом стал подозревать Полину. Вдруг она узнала, что он гуляет, да ещё не с одной. Полина вполне способна уговорить на подобное кого—нибудь из своих друзей. Одним словом, много было у Данилы «доброжелателей». Мысль о том, что это мог сделать пасынок, сначала в голову к мужчине не приходила. Но, спустя некоторое время, когда Данила оклемался, он стал дотошно выяснять через все свои многочисленные связи, кто устроил ему страшную экзекуцию. Нельзя сказать, что он сильно удивился, когда до него дошли слухи, что за всем этим стоит Андрюха.

– Удавлю, суку! – бормотал Данила, обдумывая полученную информацию. – На всю жизнь запомнишь паскуда, как со мной связываться.

Тем вечером, вернувшись домой и увидев сидящего на кухне с тарелкой супа Андрюху, Данила не сдержался и кинулся на парня. Задушил бы, если бы не вступилась Рая. Бедная

женщина всеми десятью пальцами вцепилась в шевелюру ещё не окрепшего отчима и помогла Андриюхе вырваться. К утру Данила остыл и решил действовать исподтишка, как гиена. Григору приходилось прилагать массу усилий, чтобы Андриюха дожил до зрелого возраста. Данила отомстил не физически, хотя и от этого не отказывался. Данила отомстил материально. Он просто пустил пасынка по ветру. К восемнадцати годам остался Севастьянов на улице. Без квартиры, без денег и без родственников.

– Тебя можно понять, – с участием произнёс Престол Ян. – Ты на самом деле с лёгким сердцем покидаешь своего подопечного.

В интонации Престола читалось искреннее сочувствие. Да и выглядел Григор усталым и измотанным.

– Не прими это как несправедливость, – обратился к Ангелу Дионисий. – Такова наша участь. Нам предначертано все свои силы отдавать людям. Ты заслужил покой, Григор.

Вектор смотрел на своего соратника и тоже сочувствовал ему. Не сказать, что у самого Вектора всё было гладко, но его усилия не шли ни в какое сравнение с хлопотами Григора.

Дионисий помолчал какое—то время, склонив голову, а затем жестом показал, что больше не задерживает Ангелов. Вектор и Григор в мгновение удалились.

– Так что же я буду вещать Творцу? – прищурился, спросил Серафим Дионисий у Яна.

– Посмею предложить один рискованный шаг, – немного подумав, ответил Ян.

– Излагай!

– У нас недавно сложилась непредвиденная ситуация. Исключение из правил, – издалека начал Престол – которое, как говорят людские философы, только подтверждает правила. Я не посмел бы это предложить, но случай уникальный. Другого выхода я не вижу.

– Итак! – поторопил Яна Дионисий.

– У нас есть два Ангела—близнеца. Это нонсенс, – выпалил Ян.

– Ангелы—близнецы?! – удивлённо вскинул брови Серафим. – Я никогда о таком не слышал.

– Вот и я о том же! – Престол вдруг замолчал и о чём—то задумался. Пауза затянулась надолго.

– Я понимаю твою тревогу, – будто прочитав мысли Престола, сказал Дионисий. – Ты опасаешься путаницы?

– Да, уважаемый Серафим, – кивнул Ян. – Такого, чтобы близнецы становились Ангелами—хранителями, не было с самого начала Света. Я даже боюсь думать о том, что может произойти с их подопечными в случае малейшего сбоя.

– Да! – согласился Дионисий. – Они близнецы. Они живут и думают одинаково. А у нас такие разные Севастьяновы. Неужели нет возможности повлиять на этих... как их зовут?

– Аугусто и Бернад! Вон в том дальнем ящике их папирусы.

Серафим подошёл к стене и ловким движением извлёк из указанного Яном ящика папирусы Ангелов—близнецов.

– И всё же, – продолжил Дионисий, быстро прочитав папирусы, – надо рискнуть. Другого варианта сегодня у нас нет. Но прежде, Ян, строго предупреди их об ответственности. Они должны понять всю серьёзность их миссии.

Престол молчал. Он опустил свой озадаченный взгляд на холодный каменный пол и думал. Его раздумья прервала Паротия, влетевшая в комнату. Птица бесцеремонно приземлилась на край секретера Дионисия.

– Пора принимать решение, уважаемый Ян, – твёрдо сказал Серафим. – Творец ждёт меня.

– Я решаю назначить Аугусто и Бернардо Ангелами—хранителями Севастьяновых, – произнёс Ян. – Сообщите об этом Творцу. А я пойду, подготовлю Ангелов.

Серафим Дионисий во всех подробностях доложил Творцу о сложившейся ситуации.

– Это действительно уникальный случай, – согласился Творец. – Но раз ты, Серафим, принял такое решение, пусть так и будет. Иди. Жду тебя завтра, как всегда.

Дионисий смиренно склонил голову и удалился. Не зря волнение не покидало сердце Серафима. Спустя немного времени произойдёт именно то, чего так опасались Дионисий и Ян. Аугусто и Бернардо... Впрочем, об этом позже.

Глава четвёртая. Шторм

«Сдачу принесёшь до копейки, – передразнивал в мыслях боцмана Крымина Андрюха. – У тебя час времени». Севастьянов вразвалочку шёл по пирсу, запустив руки в карманы почти по локоть. Кулак его сжимал пятитысячную купюру. Не сказать, что такая уж большая сумма, но подобный «капитал» не так часто оказывался у Андрюхи в руках. Он всячески гнал от себя мысли о том, что небольшую часть денег можно было бы потратить на кружку пива. Тем более, что любимая забегаловка «Пельмени и Пиво» находилась совсем близко. Но в этот раз Андрюха сдержался. Как только он представлял себе ночёвку под открытым небом и урчание голодного желудка, так сразу желание вернуться на яхту с пивным «выхлопом» пропадало.

За крысоловками Андрюха пошёл на рынок. Знал он там одного старичка, который ещё в семидесятые наладил этот промысел. Город портовый и нужда в крысоловках была всегда. Вот только незадача, старика сегодня на рынке не было. Никто не мог сказать, когда он появится. Времени у моториста тоже не было. Надо принимать решение. Нельзя же провалить первое же поручение боцмана. И тут взгляд Севастьянова поймал что—то подходящее. У молодого парня, на импровизированном прилавке были разложены приспособления, явно предназначенные для ловли большой и малой живности.

– Это что? – указывая пальцем на самоделки, спросил Андрюха.

– Капканы! – с удивлением глядя на моряка, ответил парень. – Ты что никогда капканов не видел?

– Нет! Видел, конечно! – немного смутившись своего вопроса, ответил моторист. – А на кого капканы?

– Ну... – паренёк стал показывать одно за другим приспособления. – Вот этот, например, на лису или там, на выдру, бобра. Ставишь на тропу, маскируешь...

– Так! Давай без ликбеза! – прервал рассказ продавца Андрюха. – Мне на крысу надо. И желательно штук пять. Есть?

– Нет, – погрузнев, ответил парень. – Завтра могу сделать несколько крысоловок. После завтра заберёшь.

– Послезавтра я буду на пятьсот миль южнее вашего рынка, – заносчиво ответил моряк. – Сегодня надо. Подбери что—нибудь.

– Да у меня сегодня только вот это. Всего пять и все разные. Что тут подбирать? Бери уже все. Я цену сброшу.

Решили поторговаться. Договорились о хорошей скидке, но только за все капканы вместе. Севастьянов задумался. Он уже представил себе побагровевшую мину Крымина и поток грязной ругани из его уст.

– Сколько сейчас времени? – спросил продавца, отвлекшись от своих мыслей Андрюха.

– Без пятнадцати шесть, – посмотрев на часы, ответил парень. – Скоро рынок закрывается. Ты брат будешь или нет? А то я пойду домой.

Андрюха молчал. Принимать быстрые и верные решения это была не его стезя.

– Ну! – торопил продавец. – Так берёшь или нет?

– Ай! – махнул рукой моторист. – Вот что за засада? Опять я буду крайним. Давай все пять.

Парень сложил с прилавка товар в холщёвый мешок. Затем достал из сумки большой зубастый капкан.

– А это что за хрень? – удивился Андрюха. – На мамонта что ли?

– На волка это, – пояснил парень.

– Чепушило ты! – вскинув брови, возмутился Андрюха. – Где ты волка в море видел? Оставь его себе!

– Не! – заартачился парень. – Мы договорились пять, значит бери пять. Не берёшь, тогда иди на своё корыто и лови руками своих крыс.

– Вот ты сука облезлая! – выругался моряк. – Ты паскуда понял, что мне без капканов «вилы» и решил меня обуть!

Севастьянов схватил парня за воротник рубашки и уже занёс руку, чтобы ударить, но тут вспомнил свои же слова произнесённые час назад: «Косячить не буду. Я всё понимаю. Иваныч, клянусь!» Продавец почувствовал нерешительность моряка и осмелел.

– Знаешь что, морячок, – сказал он, сделав шаг назад, – ничего я тебе продавать не буду. Ты психованный. А такой покупатель всегда непредсказуем.

– Ладно! Прости! – извинился Севастьянов. – Бес попутал. Давай свои капканы.

Андрюха протянул парню пятитысячную купюру. При виде «жирной» бумажки продавец поумерил пыл.

– У меня сдачи нет с такой деньги!

– Давай пару тысяч, остальное оставь себе! – сделал барский жест Андрюха. – Повезло тебе сегодня.

Моторист взял мешок с покупками и, взвалив его на спину, пошёл покупать остальное, что велел боцман.

Боцман Крымин громко крикнул и хриплым басом выругался.

– Мать твою! Карась ты, Севастьянов!

– Чё сразу, карась? – Андрюха скорчил обидную гримасу. – Ну не было крысоловок. Что я должен был купить? Ну лоханулся малость. С кем не бывает?

– Со мной не бывает. Надо было тебе отлуп дать, – продолжал ворчать боцман, смешно сморщивая нос. – Рулить тобой запарюсь. Это ты капитана нашего смог «побрить», а я бы тебе только дучку драить доверил. Как тебя к дизелю допустить? Лучше сразу в петлю!

– У тебя, боцман, чуть что не так, сразу в галюн, дырку чистить! Да не парься ты, Иваныч! Всё пучком будет, – Севастьянов попытался по—панибратски похлопать Крымина по плечу.

– Клешню в карман заправь, – жёстко рявкнул боцман. – Майнай в низы и не выныривай оттуда, пока не кликну. Ущучил?

– Да понял я, понял, – недовольно произнёс Андрюха и побрёл в машинное отделение.

– А ну, погоди! – вернул моториста Крымин. – Возьми эти железяки, – он указал на купленные Андрюхой капканы, – и поставь их в кладовых. Вот эту большую ставить не смей. Не дай Бог кто—нибудь на неё наступит. Беды не оберёшься. Отнеси её к себе в кубрик. Я потом заберу. Теперь иди.

Андрюха послушно собрал купленные железяки и побрёл выполнять поручение Крымина. Боцман какое—то время смотрел Севастьянову вслед, а затем развернулся и неспешной уверенной походкой пошёл на мостик.

– Что, Ифаныч, такой хмурый, – с едва заметной улыбкой спросил капитан.

– Да, якорь этот, Севастьянов, точно нас в беду вгонит, – пробасил Крымин.

– Не нагнетай. Нет у нас сейчас другого выхода. Слышал, что хозяин сказал? Да и времени нового моториста искать, тоже нет. Если будет бузить, заменим. До Монте—Карло дойдём и заменим.

Подникс посмотрел на идущего по палубе Андрюху с холщёвым мешком и спросил у боцмана:

– А что это он там носит в этом мешке?

Крымин рассказал всю историю про капканы и в конце опять смачно выругался.

– Ифаныч, – успокаивал боцмана капитан, – не всё так плохо. Не рви сердце. А, вот ещё что. Не забудь в винном погребе поставить крысоловку.

– А там—то зачем? – удивился Крымин.

– Шеф говорит, что крысу там видел.
– Чтоб мне сдохнуть, – ругнулся боцман. – Куда катится этот мир? Крысы стали винище жрать!

– Не просто винище! – поддержал Крымина Подниекс. – А по две тысячи евро за бутылку. Крымин снял фуражку, перекрестился, махнул рукой и что—то невнятно бурча, побрёл в свою каюту.

Через несколько часов «Джина» отшвартовалась от стенки и взяла курс на юг. Всё работало исправно. Андрюха вообще старался не показываться на глаза Крымину. Он добросовестно следил за работой дизеля. Подниекс как—то даже высказал боцману, что тот был несправедлив к мотористу. Парень нормальный. Работает хорошо. Всегда на месте. Андрюха сам себе порой удивлялся. То ли нужда заставила его измениться, то ли сама обстановка на элитной яхте, то ли доверие хозяина сослужили добрую службу. Севастьянов понять этого не мог. Но жить без тумачков и оплеух ему понравилось.

В Монте—Карло простояли сутки. Дозаправились, пополнили запасы продовольствия и всего необходимого для дальнего перехода. Андрюху менять не стали. Подниекс сказал Крымину, что думать об этом не хочет. Его, капитана, всё устраивает. Крымин крикнул что—то непонятное и успокоился. Скорее смирился. Так Андрюха и закрепился мотористом на «Джине» и был этому очень рад.

Кроме всего описанного выше, в Монте—Карло ещё кое—что произошло. Вроде бы ничего особенного, но Валдис Теодорович и Крымин своим внешним видом и поведением выказали сильное недовольство.

Ближе к вечеру, в сопровождении двух темнокожих носильщиков, к трапу подошла некая особа. Одета она была богато и со вкусом. Во взгляде и повадках читалось что—то неугомонное. Трап был поднят, и поэтому попасть на яхту было невозможно.

– Эй, там, морячки! – довольно громко крикнула женщина. – Кто—нибудь меня слышит?

Никакой реакции на вопли блондинки не было. Подниекс с каменным лицом сидел в своём капитанском кресле, он испытывал жгучую неприязнь к этой особе. Крымин готов был спуститься к трапу и вылить на голову ненавистной гостьи ушат своей боцманской ругани. Но это было, в данный момент, невозможно. Это была Лариса, сожительница шефа. Взбалмошная и капризная особа. Когда Севастьянов брал её с собой, то её присутствие на борту оборачивалось для экипажа большой головной болью. Оттого все молчали и ждали распоряжений Андрея Владимировича.

В этот момент на мостике как—то бесшумно появился Ричард.

– Судя по тому, как ты крадёшься, – с лукавой улыбкой сказал боцман, – даме надо дать отлуп?

– What is отлуп? – спросил Ричард, не понимая боцманского сленга.

– Что такое отлуп? – произвольно перевёл вопрос Крымин. – Отлуп, ну это на хер послать, отказать, понимаешь?

– А! – протяжно произнёс англичанин. – Так есть! Чиф сказал посылать out! Ну! На хер!

– Понятно! – довольно сказал Крымин и, взяв фуражку, собрался идти к трапу. – Это по—нашему.

– Стап! – воскликнул Ричард. – Это делать Подниекс. Эндрю сказал фежлифо. Надо рассказать: чиф нет на яхта. Это делать Фалдис.

– Ну правильно! – согласился боцман. – Я с этой кралей вежливо не смогу. Иди капитан. Отшивай даму.

Подниекс неторопливо пошёл на встречу с Ларисой. Что он там ей вещал, было не слышно. Изредка слышался несогласный визг Ларисы и отрывки фраз: «...этого не может быть!» «Почему он мне не позвонил?» «Все вы мужики сволочи!» И тому подобное. Минут

через десять Лариса, нервно подёргивая головой, быстро удалялась от причала в сопровождении темнокожих носильщиков. Крымин, наблюдая это, скупно поаплодировал капитану.

На закате «Джина» взяла курс на Гибралтар. Следующим вечером прошли в миле от Гибралтарской скалы. В лучах заходящего солнца выглядела она грациозно. Море было спокойно. «Джина» резала морскую гладь, распугивая летучих рыб и вспенивая кристально чистую воду. Курс взяли на Доминикану. Несколько месяцев назад Севастьянов приобрёл там виллу, недалеко от города Ла—Романа, на скалистом берегу бухты Альтаграсия. Андрей еще ни разу не был в своём новом доме и вот решил посмотреть на эту покупку. Заодно и пережить там наступившее депрессивное состояние. А пока лучшим другом Андрея Владимировича стала бутылка «Макаллана», элитного виски. Благо в винном погребе этого добра было достаточно. Знал бы Андрей, какую службу сослужит ему этот напиток, выбросил бы весь запас за борт. Но знать этого Севастьянов не мог.

Андрей уже не первый день сидел у себя в каюте. Он не хотел никого видеть и не с кем общаться. Он просто хотел быть один. Одиночество порой, было для Севастьянова самым лучшим лекарством. Ричард, давно работавший с Андреем, об этом хорошо знал и не досаждал шефу своим присутствием. Единственное, что немного удивляло англичанина, так это то, что Севастьянов выпивал спиртного больше обычного. Так и потери в бизнесе были больше обычного, и помощник чувствовал свою причастность к этим потерям.

Поздним вечером, когда «Джина» бороздила воды Атлантики, Андрей вышел из своей каюты, держа в руке недопитую бутылку «Макаллана». Он был не брит, не причёсан. От него сильно пахло алкоголем. Севастьянов неторопливым шагом обошёл яхту, раз за разом прикладываясь к открытой бутылке. Затем поднялся на мостик. Яхтой управлял старпом Суховеев.

– Здравствуй, Паша! – поприветствовал Суховеева Севастьянов. – А где наш грозный капитан Подниекс?

– Здравствуйте, Андрей Владимирович! Капитан отдыхает до утра. Разбудить его?

– Нет, нет! Что ты! – ответил Андрей, плюхаясь в кресло. – Не хочу слышать прибалтийские матюки.

Павел хихикнул и взглянул осторожно на шефа. Севастьянов не столько был пьяным, насколько уставшим от пьянки. Он сидел в кресле, развалившись, закрыв глаза и вытянув ноги. Правая рука продолжала крепко сжимать горлышко бутылки. Не открывая глаз, Севастьянов обратился к Суховееву:

– Виски будешь? Это очень хорошие виски. Поверь.

– Андрей Владимирович, – извиняющимся голосом ответил старпом. – Я член команды. Нам спиртное нельзя.

– Это Подниекс придумал?

– Нет! Это правила такие. На судне сухой закон.

– Ну и ладно! – вставая с кресла, сказал Андрей. – Мне больше достанется. Давай рули тут правильно. На поворотах осторожнее!

Севастьянов расхохотался и пошёл к себе в каюту.

Так продолжалось пару дней. Андрей поздним вечером совершал обход «Джины», поднимался на мостик, разговаривал с рулевым и уходил спать. В один из дней Севастьянов застал на мостике Подниекса. Тот вместе со старпомом Суховеевым что—то обсуждали, склоняясь над картой.

– О! – воскликнул Андрей. – Совет в Филях! Что случилось, капитан?

– Здравствуйте, Андрей Владимирович! – ответил Подниекс. У него опять проскакивал прибалтийский акцент. Валдис волновался. – Всё как обычно. Впереди шторм. Хочу сменить курс.

– Это правильно, Валдис, – качая головой, сказал шеф. – Шторм нам не нужен. У меня и так в башке девять балов. Боюсь, если начнёт болтать, конфуз получится.

– Не волнуйтесь, Андрей Владимирович, – успокоил шефа капитан. – Идите отдыхать. У вас уставший вид. Мы справимся.

– Сухарь ты, Валдис, – обиженно сказал Андрей. – Я просто хотел поговорить. Просто по душам. А ты меня обломал. Пойду я от вас. Злые вы.

Не дождавшись ответа, Севастьянов побрёл в сою каюту. Когда он спустился на палубу, ему навстречу попался тёзка, Андрюха Севастьянов.

– О! – радостно воскликнул Андрей. – Я тебя помню! Ты Андрей Севастьянов, – после этих слов Андрей громко рассмеялся.

– Да, – смущённо произнёс Андрюха. – Ваш полный тёзка.

– Ну! – протяжно ответил Андрей. – Не такой уж ты и полный. Знаешь что, братишка, а пойдём с тобой в твой трюм и поговорим. А?

– Пойдёмте, – смущаясь, ответил моторист и открыл дверь машинного отделения.

Тёзки спустились вниз. Монотонно урчал двигатель, но не досаждал грохотом. Можно было поговорить, правда, надо было всё же напрягать связки. Севастьянова это не смущало. Он молчал несколько дней, поэтому громко поговорить ему хотелось. А Андрюха вообще привык к механической стихии. Он давно научился и разговаривать при моторном шуме, и хорошо слышать.

– Виски будешь? – протянув вперёд бутылку, спросил Андрей.

Андрюха, конечно, очень хотел, как выражались в его кругах «накатить». Но, собрав всю свою волю в кулак, ответил:

– Нет! Спасибо, Андрей Владимирович. Выпью – вылечу с работы. А мне без работы никак не прожить. У меня теперь даже дома нет.

– Да! – с сожалением протянул Андрей. – Надо было Лариску брать на борт. С ней бы мы поквасили на славу. Ты же понимаешь, что такое, когда выпить не с кем?

– Это да, – со знанием дела ответил Андрюха. – Это тоска смертная.

– Вот, – Севастьянов увидел в собеседнике понимающего человека. – Вот ты, Андрюшка, меня понимаешь. А эти супостаты – Подниекс, Ричард, ни хрена не понимают. Они никогда не поймут русского человека. Никогда! У них же в башке всё забетонировано. Ты знаешь, чем мы от них отличаемся?

– Чем?

– Они живут по кем—то придуманным правилам, – рассуждал Севастьянов, активно жестикулируя свободной от бутылки рукой. – Кто—то когда—то сказал «надо», или «прямо», или «направо» и они как бараны шлепают, куда их послали. А мы, Андрюшка, совсем другие. У нас у каждого свои правила. Конечно, от этого бывает большая задница, но зато мы свободные люди. Так ты от виски отказываешься?

Моторист кивнул, подтверждая это.

– А я выпью, – сказал Севастьянов и брезгливо посмотрел на бутылку. – Господи! Как ты мне надоела, эта буржуйская хрень!

Андрей сделал глоток, поморщился и поставил бутылку на какую—то металлическую полку. Моторист в это время отвлекся, осматривая приборы. Затем немного осмелев, обратился к Севастьянову.

– Можно вас спросить?

– Валяй! – ответил Андрей, прикрыв уставшие от выпивки глаза. – Я по разговорам соскучился. Давай поболтаем.

– А как вы попали в Приморск? Такая посудина в наши воды никогда не заходила.

– Сказать тебе честно, Андрюшка, – Севастьянов ухватился за Андрюшину рубаху и подтянул моториста к себе поближе. – Я родился в Приморске.

– Чё, серьёзно? – удивился моторист.

– Серьёзнее некуда. На Яловой улице жил я. Во второй школе учился. Правда, недолго. До четвёртого класса. А потом... – Андрей взмахнул рукой и замолчал.

Пауза затянулась. Севастьянов—моторист смотрел на своего тёзку и пытался вспомнить его. Из каких—то закровов памяти он пытался достать детские воспоминания об учебе в начальных классах школы номер два и вспомнить этого человека. Но тщетно. Память встала в позу. В этот момент Андрей Владимирович открыл глаза и увидел изучающий взгляд моториста.

– Чего ты так на меня смотришь? – спросил он.

– Мы же с вами одного года. Вам столько лет, сколько и мне?

– Тридцать три.

– Получается, – сказал Андрюха, продолжая внимательно разглядывать собеседника, – мы учились в одно и то же время в одной и той же школе.

– Получается!

– Тогда скажите, почему всё так несправедливо? – Андрюха заметно погрузнел. – Вот скажите, Андрей Владимирович, почему же в жизни все так бесчестно? Вы и я одного возраста. Но вы, бляха, умный, а я балбес. Чурбан неотесанный. Походу, кто—то там сверху, – моторист вскинул указательный палец вверх, – накосычил!

– Андрюшка, друг, – сказал Севастьянов после глубокого вздоха. – Справедливости вообще нет! Это коммуняки придумали, чтобы чужие бабки поделить. Вот сам подумай. Один родился высоким и стройным, а другой маленьким и пузатым. Справедливо?

Моторист отрицательно потряс головой.

– Правильно, нет! – протяжно сказал Андрей. – А вот один родился в семье богатенького американца, а другой где—нибудь в африканском племени. Справедливо? Опять нет. Вот и у нас с тобой такая же песня. Я умный, а ты моряк. Только не обижайся. Это сегодня так. А завтра всё может быть совсем по—другому. Ты будешь умный, а я хрен с бугра.

– Так не бывает, – немного обидевшись, возразил Андрюха.

– Бывает, бывает! Поверь мне, ещё как бывает. Я такое уже видел, – после этих слов Севастьянов задумался. Он что—то вспомнил, и было полное ощущение, что Андрей протрезвел.

– Эй! Шеф! Что с вами? – испугавшись такого резкого изменения в поведении Севастьянова, громко спросил Андрюха. – Вам плохо? Может отвести вас в каюту?

Андрей поднял на моториста налившиеся свинцом глаза. И наливались эти глаза не от количества выпитого виски, а от воспоминаний о том жутком времени, когда молодой Андрей Севастьянов только проникал в мир большого бизнеса. Когда жизнь заставила его забыть о порядочности. Когда удар ниже пояса стал считаться правилом хорошего тона. Когда выигрывал не тот, кто способнее и умнее, а тот, кто успел. Но об этом позже.

– Да! – после небольшой паузы согласился Андрей. – Проводи меня в каюту. Что—то меня колбасит. Качает как—то не по—детски.

– Это не только вас качает, – взяв шефа под руку, сказал Андрюха. – Походу, качка начинается.

Матрос помог Севастьянову подняться по трапу на палубу. Крепко держа шефа за талию, Андрюха повёл его в каюту. Начинался шторм. Ветер уже окропил мелкими солёными брызгами палубу. И, похоже, утихать не собирался.

– Подникс обещал от шторма уйти, – недовольно произнёс Севастьянов.

– Не всегда получается, Андрей Владимирович. Шторм, наверное, быстрее, чем наша яхта.

Андрюха распахнул дверь каюты и отпустил Севастьянова. Тот, качаясь, добрался до кровати и рухнул на неё лицом вниз. Моторист закрыл дверь и собрался вернуться в моторное отделение. Вдруг перед ним выросла фигура Крымина.

– Ты чего тут делаешь? – прохрипел боцман.

– Помог шефу добраться до каюты, – с испуганными глазами ответил матрос.

– Обхаживаешь Андрея Владимировича! Хитрован ты оказывается, Севастьянов! – с хитрым прищуром прошептал Крымин. Потом положил руку на плечо мотористу и, указывая толстым пальцем на дверь в конце коридора, спросил. – Знаешь, что это за дверь?

– Нет.

– Это винный погреб. Ну погреб это условно. Туда надо капкан поставить. А то шеф сегодня днём опять разорился, что там крысу видел.

– Хорошо. А какой поставить—то? – довольный дружелюбным тоном боцмана спросил Андрюха.

– Да какой есть, такой и поставь, – широко зевая, ответил Крымин и стал удаляться по коридору, держась за поручни.

Шторм усиливался.

Андрюха вспомнил, что у него под койкой лежит капкан на волка. Раз уж боцман разрешил поставить какой есть, так почему не этот? Моторист быстро добежал до своей каюты, взял капкан и установил его прямо под полками с напитками.

– Ловись крыска большая и маленькая, – пошутил Андрюха и побежал в моторное отделение.

Как Подниекс ни старался, но обойти шторм ему не удалось. А болтанка была нешуточной. Буквально полдня назад ласковые бирюзовые волны облизывали «Джину», заманивая её всё дальше и дальше в Атлантику, обещая безмятежное путешествие к зелёным берегам Доминиканы. И вот те – на! Черная солёная масса обрушивается на яхту весь гнев ночного шторма, барабанит по бортам, плюётся пеной, намекая на то, что пощады не будет. Это океан. У него такой нрав.

Андрей проснулся от сильной тошноты. Он, опираясь непослушными руками о стены, добрался до туалета. Ему было очень плохо. И оттого, что яхту раскачивало как маленький пластиковый поплавок, и от немереного количества виски, влитого в себя за эти несколько дней. Когда Андрей дополз до кровати и свернулся на ней калачиком то, закрывая глаза, он понимал, что совершенно теряется в пространстве. В голове его царил невесомость. Севастьянов с невероятными усилиями поднялся и присел на край кровати. Он пытался взглядом встретиться с недопитой бутылкой виски, но её нигде не было. Тогда выход был один. Попробовать добраться до винного погреба, благо он был совсем рядом, и открыть новую порцию «Макаллана».

Севастьянов собрал в кулак всё своё внимание и одним рывком преодолел расстояние от кровати до двери каюты. Дальше коридор. Там, слава Богу, есть крепкие поручни. Держась за них, Андрей добрался до погреба. Уже заученным движением включил свет и через секунду оказался рядом с заветной полкой. Качало изрядно. Какой—то деревянный ящик, непонятно из—под чего, упал на Андрея. Тот выругался и пнул его ногой. Севастьянов запустил руку в ящик с виски, но он оказался пуст.

– Вот чёрт! – ругнулся Андрей. – Непруха, так непруха!

Следующий, похоже, полный ящик стоял на верхней полке. До него надо ещё достать. Можно было взять стремянку, но она стояла в другом углу, при такой болтанке про неё надо было забыть. Андрей вспомнил про деревянный ящик. Тот самый, который он только что загнал пинком под нижнюю полку. Мужчина, крепко держась за стойку стеллажа, дотянулся до ящика и подтащил его к себе. Ящик с трудом, но поддался. Разве мог знать Андрей, что залетев под полку деревянный дуралей, накрыл собой тот самый капкан, который час назад поставил Андрюха—моторист. Веса Севастьянова днище деревянной конструкции не выдержало. Оно проломилось, и правая нога Андрея угодила в зубастые челюсти капкана. Железяка щёлкнула противным металлическим звуком и, переламывая деревяшки, крепко обхватила ногу Андрея.

Борта ящика оказались добротными и спасли ногу Севастьянова от переломов и порезов. Но хватка у капкана была мёртвой. От укуса железных челюстей боль пронеслась от пятки до самого затылка. Севастьянов вскрикнул и на несколько минут отключился. Когда он пришёл в себя, то первым делом попытался раздвинуть железные зубы и освободиться, но руки были как ватные. Ничего не получалось. Без посторонней помощи из капкана не выбраться. Андрей это понял после нескольких безуспешных попыток. Оставалось одно – звать на помощь.

Бутылка, которую так и не смог найти у себя в каюте Севастьянов, осталась в моторном отделении. Она не выдержала качки и после очередного удара волны опрокинулась и, разливая оставшийся виски, покатила под двигатель. И угодила она в то самое место, где раскалённые трубы выбрасывали отработанные газы. Огонь вспыхнул мгновенно. Когда Андрияха увидел пожар, было уже поздно. Как не пыталась команда потушить огонь, справиться с ним не получилось. Подниекс дал команду грузиться в спасательный плот. Он как опытный моряк, понимал, что это конец. «Джину» не спасти. Надо спасать людей. Через несколько минут все были готовы к эвакуации. Валдис стоял на палубе. Он, как полагается, покидает судно последним.

По накренившейся палубе, скользя и чертыхаясь, бежал Ричард.

– Кэптен! Кэптен! – кричал он, размахивая руками. – Эндрю нет каюте! Эндрю нет! Надо искать!

Подниекс даже в этой ситуации сохранял внешнее спокойствие. Все находящиеся в спасательном плоту приподнялись в готовности бежать на поиски шефа, но капитан властно поднял руку, давая понять, что действовать все будут только по его команде.

– Севастьянов, – обратился он к Андрияхе, – быстро в каюту и все помещения около неё. Суховеев – верхняя палуба. У вас пять минут. Не найдёте – возвращайтесь. Ждать не будем, – и вдруг громко закричал в несвойственной ему манере, – Быстро, мать вашу!

Подчинённые сорвались как спринтеры. Андрияха машинально схватил из шлюпки спасательный жилет и побежал в каюту Андрея Владимировича. Пусто. Дым через переборки уже начинает проникать во все помещения. Но пока ещё дышать можно. В кают—компания тоже шефа нет. В баре нет. Ещё несколько помещений быстро осмотрел моторист. Пусто. В конце коридора винный погреб. Это последнее место. Андрияха рванул ручку. Заперто. Дверь не поддаётся. Приложился плечом. Не помогло. Время катастрофически не хватало. Надо возвращаться. Семеро одного не ждут. Андрияха бросил эту затею и, оставив на полу мешающий передвигаться спасательный жилет, направился к выходу. Яхту сильно накренило. Моторист не удержался и ударился о пожарный щит. Дверца от удара распахнулась. Андрияха увидел здоровенный топор. Как же он сразу не догадался? Моторист схватил топор за красную ухватистую ручку и со всего маху ударил в середину дверного полотна. Получилось.

Севастьянов уже терял сознание от боли в ноге. Конечность немела. Он сквозь туман в голове слышал, что кто—то пытается открыть дверь винного погреба. Но почему же не получается? Спяну Андрей не заметил, как случайно закрыл внутреннюю защёлку, поэтому открыть дверь снаружи никак не получалось. Издалека доносился пугающий запах гари. «Что—то где—то горит! Но почему? Не должно!» – думал Андрей. Он увидел, как сквозь выломанную дверь в погреб проник Андрияха—моторист. Матрос с огромными усилиями разжал челюсти капкана и освободил ногу Севастьянова. Шеф был в полуобморочном состоянии. Андрияха взял Севастьянова за воротник и потащил его к выходу. Перед самой палубой «Джину» сильно накренило и тяжёлая солёная масса накрыла обоих Андреев...

Спасательный плот с пассажирами и экипажем «Джины», барахтаясь среди бесформенных чёрных волн, удалялся от горящей, погружающейся в пучину яхты.

Глава пятая. Исключение из правил

Аугусто и Бернардо стояли, понуриив головы. Серафим Дионисий негодовал. После гневной тирады, обращённой к близнецам, он повернулся к Престолу Яну и произнёс.

– Стучилось именно то, чего мы с тобой боялись, – Дионисий тяжело вздохнул и, взяв под руку Яна, отвел его в сторону. – Ты же понимаешь, что за все, что произошло, ответственность несём мы с тобой!

– Понимаю, Серафим, – удручённо ответил Ян. – Нужно немедленно что—то предпринять. Так оставлять это нельзя.

Дионисий обернулся и вновь сурово посмотрел на близнецов.

– Вы так и не поняли своего предназначения, – строго говорил Серафим. – Вы Ангелы—хранители. Вы должны хранить и оберегать своих подопечных. Вы же знали, что вас ждёт забвение, если люди погибнут.

Близнецы молчали.

– Ждите здесь, – сухо сказал Серафим и исчез.

Творец внимательно выслушал Серафима Дионисия и взял паузу. Он сидел неподвижно какое—то время и, было видно, что он обдумывает важное решение.

– «Вот, я Господь Бог всякой плоти, есть ли что невозможное для меня?» – это писали про меня Святые Апостолы. Так они видят моё всеилие, – произнёс Творец, пронизывая взглядом Дионисия. – Одно исключение из правил тянет за собой следующее исключение. Если не разрубить этот узел, то исключения станут правилами.

– Я так понимаю, – вступил в беседу Дионисий, – мы оставляем всё как есть?

– Если бы, уважаемый мой Серафим, всё было бы так просто! – вставая со скамьи, ответил Творец. – Я тоже оказываюсь причастен к этой несправедливости. Поэтому решаю так. Я возвращаю души Севастьяновых. И даю Аугусто и Бернардо ещё один шанс. Но! – Творец многозначительно поднял указательный палец вверх. – На то, чтобы всё исправить я даю семь недель. Ни минутой больше. Если не справятся, исключений из правил больше не будет. Всё! Идите и объявите моё решение. Семь недель.

Серафим Дионисий склонил низко голову в знак глубокого уважения и понимания решения Творца и удалился.

После кромешной солёной тьмы, в которую погрузились Севастьяновы, пытаясь спастись, белое сияющее пространство давило на глаза.

– Приёмный покой какой—то, – оглядывая белоснежные стены помещения, сказал Андрей. – Меня в таком же принимали после аварии самолёта в Майами. Только свет там был самый обычный, а здесь очень странный.

– На вытрезвитель похоже, – поделился своими ассоциациями Андрюха. – Я там бывал, в Новороссийске. Только, наверное, очень новый. Видать, недавно построили.

– Странно, – удивлённо произнёс Андрей. – Тебе не кажется, что здесь чего—то не хватает?

– Кажется, – какая—то неопределенность или даже испуг читался в глазах Андрюхи—моториста. – Что—то тут ненормально. Шняга какая—то!

– Как мы сюда попали? – продолжал анализировать Андрей. – Здесь нет двери. Нет окон. Если честно, то мне страшно!

– Блин! – тяжело вздохнул матрос. – Где ваш вискарь? Сейчас бы бухнули и решили все проблемы.

– Похоже, Андрюшка, я уже добухался, – многозначительно произнёс Андрей и прилёг на прохладную белую кушетку. – Никогда не думал, что «белочка» приходит именно так.

– Какая, на хрен, «белочка»? – нахмурил брови Андрюха. – Это вы, шеф, квасили как Александр Македонский, с двух рук. А я—то, сухой как лист. Так что это не «белочка», это северный пушистый зверёк нас посетил.

Андрюха попытался встать, но оторваться от белой кушетки не смог.

– Во дела, – пробормотал моторист. – Точно писец. Поздравляю, шеф! Сейчас придёт какой—нибудь мудофил и скажет: «Ты матросик швартуйся в Преисподней, а вам, гражданин богатенький, за определённый взнос можно и в Рай попасть». И разойдёмся мы как в море корабли.

– Если бы так, – задумчиво ответил Андрей. – Нельзя, Андрюшка, купить место в Раю за деньги. Так же как нельзя купить совесть, счастье и любовь. Никакие деньги тут не помогут.

В этот момент белая стена как будто растворилась, и в комнату вошёл человек. Он был в красном плаще, на голове были аккуратно причёсанные седые волосы. Взгляд у него был строгий, но не пугающий скорой «расправой».

– О! Я же сказал сейчас придёт му... – Андрюха осёкся. Он замолчал, боясь обидеть вошедшего незнакомца.

– Здравствуйте! – приподнялся с кушетки Андрей Владимирович. При появлении гостя тело стало лёгким и послушным. В глазах Андрея мелькнула тревога. – А вы мне знакомы. Где я мог вас видеть?

Гость молчал. Он из—под густых бровей внимательно смотрел то на одного Севастьянова, то на другого.

– Вспомнил! – вдруг воскликнул Андрей. – Около церкви, в Приморске. Вы сидели около церкви и просили попросить Господа за ваше исцеление. Так?

– Так! Однако вы этого не сделали, – тихим равнодушным голосом ответил человек. – Но сейчас это не имеет никого значения. Я пришёл не за тем, чтобы обсуждать поступки вашей прошлой жизни. Я послан объявить о том, что Творец даровал вам возможность вернуться к мирским заботам...

– Я не въехал, – несдержанно вздёрнув брови, перебил гостя Андрюха.

Посланец Творца бросил такой сверкающий ослепительным светом взгляд на невежду, что моторист прикрыл глаза рукой и втянул голову в плечи. Пытаясь уклониться от ослепительного света, он пересел на кушетку Андрея.

– Вы можете прожить свои жизни полностью, – монотонно продолжал гость, – а можете через семь недель предстать перед Господом. Всё в ваших руках. Ангелы—хранители вам помогут. Меняйтесь.

– Подождите! – Андрей встал и попытался подойти поближе к посланцу Творца. – А как же...

Севастьянов не успел договорить, гость таким же странным способом исчез за кипенно—белой стеной, как и появился. Яркий свет резко погас и...

...Андрюха проснулся от того, что звонкий женский голос, доносящийся откуда—то снаружи, полоснул по ушам, громко ухая в похмельной голове. Он принял вертикальное положение. Руки нащупали мягкое кожаное сиденье. Мужчина с трудом приоткрыл тяжёлые веки и рассмотрел диван, обшитый дорогой лоснящейся зеленой кожей. Но не это удивило Андрюху, а его одежда. Белая, судя по качеству, очень дорогая рубашка, расстёгнутая на груди, брюки очень удобного кроя, таковых он в жизни не носил, и туфли, удивительно удобные и красивые с благородным коричневым отливом. Андрюха предпринял попытку вспомнить, что произошло и кто его так «фильдеперсово» нарядил? Но тщетно. Мозги отказались соображать.

– Эй, там, морячки! – верещал звонкий женский голос. – Кто—нибудь меня слышит?

В этот момент отворилась дверь и в помещение нет, не вошёл, а пробрался на полусогнутых Ричард.

– Эндрю, – заговорщески произнёс он, – что делать с Лариса?

«Ангидрит твою мать! – подумал Андрюха. – Почему этот супостат называет меня Эндрю?» Андрюха явно не понимал что происходит. Вникать в ситуацию у него не было особого желания. Желание было только одно, скорее вылечить разрывающуюся от похмелья голову.

– Что ещё за Лариса? – не открывая глаз, спросил Андрюха. – Она нам нужна? Она хоть красивая?

– Эндрю! – качая головой от отчаяния, произнёс Ричард. – Много фиски сбил программа ф тфоей голофа...

– Ричард! – застонал Андрюха. – Не говори про голову! Зови эту Ларису на борт. Хрен с ней! – он замахал руками, давая понять, что его надо оставить в покое и рухнул на зелёный диван.

Ричард послушно кивнул и удалился. Он передал распоряжение шефа Подниексу, а тот в свою очередь разрешил взбалмошной Ларисе подняться на борт. Суховеев проводил женщину и темнокожих помощников в приготовленную каюту. Затем, проводив к трапу довольных чаевыми носильщиков, направился к капитану.

– Ну, Валдис Теодорович, вешаться будем? – с тенью иронии спросил старпом.

– Нет, Павел! – ответил капитан, вероятно приняв выражение помощника за чистую монету. – Вешаться не будем. Но путешествие будет тяжёлым.

Валдис вспомнил предыдущий поход с Ларисой Дмитриевной на борту. Сказать, что команда побывала в аду, это ничего не сказать.

Итак, Лариса Дмитриевна Минаева. Девочка очень рано поняла, что она красива и красива необыкновенно. Своей красотой Лариса научилась пользоваться, как говорить, по полной. Она как—то интуитивно овладела всеми секретами женского мастерства. Никто её этому не учил, ни мама, ни старшая сестра. Да и не могли родственницы этого сделать, так как невероятной природной красотой в этой семье Творец наделил только Ларису.

Созрела девушка рано и выпорхнула из родительского гнезда. Цель была одна и весьма амбициозная. Столица и высшее общество. Общество больших возможностей, шикарной жизни, всемогущих мужчин и больших денег. Нельзя сказать, что добиться этого было легко, но Ларисе повезло. Очень быстро её заметил один из организаторов конкурса красоты и поднял на высшую ступеньку. Конечно, благодетель рассчитывал воспользоваться благодарностью провинциалки, но просчитался. Лариса хоть и была импульсивна, взбалмошна, излишне восторженна, но совсем не была душой.

Лариса очень быстро научилась разбираться в рангах претендующих на неё мужчин. Поняв, что «благодетель» лишь промежуточное звено, Лариса закрыла «калитку» и перешла на более высокий уровень. Её даже не особенно интересовали пузатые «папики». Ларисе нужен был молодой, дерзкий, обязательно холостой, богатый мачо. Ей нужна была страсть. Она не представляла себе спокойной размеренной жизни. Всё эти простые обыденные радости не для неё. Вулкан, Лариса должна чувствовать под собой вулкан, извержение которого могло случиться в любой момент. Эта неизвестность и опасность обеспечивали женщине адреналин. Без него Лариса не Лариса.

Было бы странно, если бы Лариса и Андрей Севастьянов не встретились. Подруга Ларисы Юля, посоветовала покрутиться вокруг произведений искусства.

– Лорка, ты понимаешь, что много денег это не показатель, – объясняла подруге Юля. – Они же не будут фотографировать суммы на своих счетах и вывешивать это всё на стену. Так?

– Так, – согласилась Лариса.

– Вот! – протяжно сказала подруга. – Богатенькие что—то покупают. То, что будет видно. То, чем можно похвастать. Но только перед людьми своего круга. Это закрытая информация. Для своих.

– Ну что, например? – допытывалась конкретики Лариса.

– Недвижимость на Лазурном берегу. Острова. Но это на начальном этапе. Главное это искусство. Картины, скульптуры, ювелирные шедевры. Вот здесь надо сети расставлять. Поняла?

– Поняла, – ответила Лариса и буквально тут же начала действовать.

«Муть зелёная, – подумала Лариса, впервые попав в галерею. – Скучотища! Но Юлька плохого не посоветует». Девушка пыталась понять, что в этих разноцветных картинках привлекает богатых мужчин. А понять это надо, иначе можно быстро проколоться. Лариса стала много читать о направлениях в изобразительном искусстве, несмотря на всю свою ненависть к скучным буквам и мерзким терминам. Реализм, импрессионизм, модерн, кубизм и ещё много всякой мути пришлось запомнить девушке. Но у неё была цель и этим определялось всё.

Эти двое появились в зале, вовлекая за собой какой—то странный, благоухающий изысканным парфюмом, благородный шум. Оба мужчины были подтянутыми, ростом выше среднего. Каждый их шаг убеждал в абсолютной уверенности и независимости. Они не шли, они несли себя в пространстве. Возраст у мужчин был разный. Один, аккуратно коротко подстриженный, со следами благородной седины, гладковыбритый и со сверкающими бесовской энергией карими, почти чёрными глазами. Этот был старше своего спутника. Другой, напротив, с длинными набриолиненными волосами, густой щетиной и серыми глазами с добрым взглядом. «Боже, – подумала Лариса, перебрасывая вожделенный взгляд то на одного, то на другого мужчину. – К такой задачке я не готова».

Это как раз был тот самый случай, когда выбор становился настоящим мучением. Лучше бы его не было вовсе. Лариса металась между своими мыслями. Тот, который постарше, наверняка опытнее, степеннее, более выдержан. И вместе с тем, судя по внешнему виду и ключевому пылливому взгляду, страстен и горяч. Этот контраст манил девушку. Однако молодой сероглазый мужчина манил своей благоухающей неопрятностью. Эта его щетина, не стриженные волосы, в сочетании с пластикой красивого тела и манящей глубиной серого добродушного взгляда, производили на Ларису завораживающее впечатление. Задача перед девушкой встала из разряда теоремы Ферма. Неразрешимая. Лариса решила так: «Кто из них первый обратит на меня внимание, за тем я и приударю». Она даже не допускала мысли, что останется незамеченной этими полубогами.

– Боже, какая прелесть, – услышала Лариса за спиной чуть хриловатый баритон. – Андрюша, посмотри на эту красоту. Уж где—где, а здесь я никак не ожидал такого увидеть.

Лариса не поворачивалась. Она делала вид, что внимательно изучает картину какого—то неизвестного ей художника и очень этим увлечена. Она даже не подумала, что слова эти предназначены не предметам искусства, а ей.

И вдруг, обладатель этого баритона приблизился, и Лариса почувствовала теплоту крепкого мужского тела. Это было необъяснимое чувство, но очень приятное. Девушка повернулась и увидела, что прямо над её левым плечом склонился, как бы вдыхая её запах, тот самый взрослый мужчина. Его пуговицы—глаза вцепились в Ларису, и девушка почувствовала оцепенение. По спине ручейком пробежал холодок. Тело стало ватное и перестало подчиняться. Это сначала напугало Ларису, но мгновение спустя она почувствовала удовольствие от такого рода гипноза.

– Я, было, подумал, что уйду из этой галереи без всяких впечатлений, – продолжил говорить мужчина, уже совсем близко наклонившись к уху девушки. – Ан, нет! Вы, прекрасная леди, изменили моё мнение.

Сколько раз за свою недолгую жизнь в Москве, Лариса слышала подобное «павлиньё пение». Каждый раз она возводила своего рода барьер и подобные душещипательные речи не доходили до её сердца. Но не сейчас. Тембр, запах, завораживающий взгляд и тепло этого мужчины смели все барьеры. Лариса была поглощена им полностью. Воля её была подавлена.

– Олег, – представился незнакомец, потянув Ларисе руку ладонью вверх. – Олег Вербицкий. А как вас зовут, милая девушка?

– Лариса, – ангельским голосом произнесла девушка, робко протягивая руку Олегу и удивляясь несвойственной для неё жеманности.

– Чудесно, – продолжал Олег, прижавшись горячими губами к руке новой знакомой. – А это мой добрый друг и партнёр Андрей, – представил он своего молодого спутника.

– Здравствуйте, – скромно сказал Андрей, слегка наклонив голову. – Андрей Севастьянов.

– Лариса, – как заколдованная опять произнесла девушка.

Лариса не стала думать и планировать дальше. Она решила отдаться в руки обстоятельств и подчиниться желаниям Олега. Он проявлял к ней явный интерес. Вот пусть он и будет добычей.

Ларисе понравилась роль скромницы и она продолжала играть её довольно долго. Благо у Ларисы была Юля, которая знала толк в охмурении «толстых кошелев». По совету подруги Лариса довольно долго не сдавалась, ровно настолько, насколько хватило терпения у Вербицкого. Так что Олег, несмотря на то что никогда не испытывал недостатка в женском внимании, пропитался к своей новой знакомой истинным чувством. Одним словом, охота увенчалась успехом. Вербицкий к тому времени был разведён и совершенно свободен. Лариса с достоинством заняла место на троне. Что называется – жизнь удалась.

Но, как это бывает, настало время разбрасывать камни. Дела у Олега шли всё хуже и хуже. Он стал нервным, часто уезжал и надолго, а когда возвращался, не выказывал особой тяги к Ларисе. Уходил в себя, много пил, становился грубым и невнимательным. Жизнь дала трещину. Лариса почувствовала угрозу своему безмятежному существованию и стала активно отдаляться от подурневшего Вербицкого.

К тому времени Лариса Дмитриевна уже успела обрасти «жирком». Радующий нолями счет в банке и уютный домик во Франции, недалеко от Канн, подарок Вербицкого. Опять же, не последнюю роль в этих приобретениях сыграла подруга Юля.

Некогда лучшие друзья Севастьянов и Вербицкий превратились в заклятых врагов. Они затеяли настоящую войну. Лариса не знала, кто из них был инициатором, но битва была нешуточной. Победу одержал «молодой лев». Андрей Владимирович заграбастал почти все активы Вербицкого. «Раздел» своего учителя. Вербицкий, однажды сильно напившись, вещал Ларисе о том, что всю свою оставшуюся жизнь положит на то, чтобы уничтожить Севастьянова. Именно тогда женщина поняла, что пора избавляться от «сдувшегося» Олега Павловича.

В свойственной ей манере, Лариса без сожаления вычеркнула из своей жизни Вербицкого. Сделала она это с лёгким сердцем.

– Всё равно, Лорик, будь осторожна, – наставляла Ларису Юля. – Эти сбитые лётчики бывают очень опасны. Ты будь сейчас помягче. Не дразни его. А лучше найди себе другого, более сильного мужика. Это, поверь, лучший способ нашей обороны.

И вот тёплым майским днём, в разгар Каннского кинофестиваля, Лариса Дмитриевна, гуляя по набережной Круазет, нос к носу сталкивается с Андреем Севастьяновым. Они не виделись почти два года, всё время пока гремели бои между Вербицким и Севастьяновым. Лариса была приятно удивлена. Андрей сильно изменился. Он возмужал, сменил причёску. Выглядел дьявольски привлекательно. Лариса в тот момент подумала, что Севастьянов отобрал у Вербицкого всё, даже неповторимый шарм.

Андрей тоже в свою очередь отметил, что Лариса превратилась из просто красивой девушки в женщину, манящую своей обаятельностью и независимостью. «Лариса расцвела» – такое определение дал старой знакомой Андрей. Завертелось, закружилось. И вот уже больше года Андрей Севастьянов и Лариса Минаева вместе. Далеко не всё у них гладко. Их отношения

очень напоминают американские горки. Но две такие яркие натуры иначе не могут. Не раз они были на грани разрыва но, пока, как ни странно, этого не произошло.

Из—за чего произошла последняя их ссора, ни один, ни другой вспомнить не могли. Андрей просто, молча, исчез, а Лариса вином гасила пожар в душе. Они больше недели не общались. Лариса решила первая пойти на мировую. Через знакомых она узнала, что «Джина» пришвартовалась в порту Монте—Карло и поспешила к любимому на встречу. Что было дальше, мы помним. Вернее, пока только догадываемся.

..... Серафим Дионисий смахнул капельки пота, выступившие на лбу и сползавшие по вискам к подбородку, и устало присел на каменную прохладную скамью. Аугусто и Бернардо стояли, неподвижно потупив взгляд, и ждали решения. Надежды на что—то хорошее у близнецов не было. Пауза была совсем не длинной, но Ангелам она показалась бесконечной. Наконец, Серафим отдышавшись, поднял тяжёлый взгляд.

– Творец проявил к нам снисхождение, – начал говорить Дионисий. – У вас, Аугусто и Бернардо, есть ещё один шанс. Вашим подопечным возвращены души. Они возвращаются в мир. Но, – он сделал многозначительный жест рукой, – есть одно условие. На то чтобы всё поправить в жизни ваших людей, Творец отвёл семь недель. Если за это время ничего не изменится, то он призовет к себе их души, а вам предначертано забвение.

После этих слов Серафим сделал жест рукой, давая понять, что Ангелы—хранители могут удалиться. Но злоключения несчастных близнецов на этом не закончились. Радость от того, что они опять при деле, очень быстро омрачилась тем, что незадачливые Аугусто и Бернардо перепутали тела своих Севастьяновых. Андрюха поселился в теле Андрея Севастьянова, а Андрей в теле моториста. Чтобы не выказывать свою преступную неряшливость, Ангелы решили не сообщать никому о путанице и пока оставить всё как есть. А дальше, ... а дальше будь, как будет.

Глава шестая. Предлагаемые обстоятельства

Теперь уже, окончательно протрезвев, Андрюха как парализованный сидел на зелёном диване. Вокруг было всё настолько богато и роскошно, что это не восхищало Андрюху, а напротив – раздражало его.

– Думай, думай, думай матросик, – шептал Андрюха, нервно барабанив пальцами себе по коленке.

Он вдруг вскочил и встал перед зеркалом. Это был не он. Это был шеф – Севастьянов Андрей Владимирович. Но как же так? Андрюха чувствовал это тело как своё. Моторист сел на пол, обхватил голову руками и стал судорожно вспоминать то, что происходило с ним вчера. Ничего ясного в памяти отыскать не удалось. Всплывали какие—то отрывки, белые стены, человек в красном плаще, ослепительно—белый свет. «А до этого, – пытал свой вялый мозг Андрюха, – что было до этого?» Тут вспомнился шторм. Потом пожар и нога в капкане. Андрюха пытается вытащить шефа на палубу... потом солёная, холодная темнота. Воздух. Его совсем нет.

– Стоп! – вдруг громко сказал Андрюха. – Если я теперь шеф, то где тогда Андрей Владимирович?

Не знал Андрюха того, что там, внизу, в машинном отделении, боцман Крымин с пеной у рта орёт на Андрея, размахивая у него перед лицом полупустой бутылкой «Макаллана».

– Что это, я тебя спрашиваю? – орал боцман, пытаясь добиться хоть какого—то объяснения от моториста. – Ты что, баклан, берегов не видишь? Откуда в моторном отделении бутылка виски? У шефа спёр? Лизнуть хотел втихаря?

Андрей не знал как себя вести. Он мучительно пытался понять, что за метаморфозы произошли в его жизни. Почему он в робе моториста? Почему Крымин позволяет себе подобное бестактное поведение? И что надо ответить этому мужлану?

«Нет, ничего отвечать я не буду, – подумал Андрей. – Надо как—то уединиться и всё обдумать. Но этот клещ просто так не отцепится»

– Ой! – Вдруг вскрикнул Андрей и схватился за живот. – Ой! Прихватило! Мне срочно в туалет надо. Я быстро!

– Не туалет, а галюнь, – растопырив ноздри, поправил матроса Крымин. – Совсем ты Севастьянов мозги свои пропил. Иди быстро, ещё не хватало мне здесь обделавшегося моториста.

Андрей закрылся в галюне и стал думать, что делать дальше. Он по крупицам вытаскивал из памяти прошлые дни. Вспомнил, как ему было плохо, как он пошёл в винный погреб, как нога застряла в капкане. А что потом? Потом в глаза ударил яркий свет. Белые стены и человек, вернее калека, тот самый который странно разговаривал сидя на паперти. Правда, был он опрятно одет и выглядел властным и сильным. «Что—то он там говорил про семь недель, – пытался вспомнить суть разговора Андрей. – Секундочку! Там же со мной был Андрюха—моторист. Он сидел на кушетке напротив. Потом пересел на мою. Как мы туда попали и как мы оттуда вернулись?» Андрей вдруг увидел на двери галюна маленькое потускневшее зеркало. Он захотел в него заглянуть, но испугался. А вдруг там не он? Что тогда? И всё же решился. Когда в зеркале он увидел отражение совсем другого Севастьянова, Андрей побледнел. Объяснений этому не было никаких. Шок!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.